СОЛНЕЧНАЯ РОСПИСЬ — «ХОХЛОМА»

Продолжение романа
Юрия Бондарева «Игра»

Художник и время: Лев Кербель

Из фотоархива военного времени:
Михаил Савин

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 6 ФЕВРАЛЬ 1985

УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТОРОННИКОВ МИРА

Сердечно приветствую участников Всесоюзной конференции сторонников мира!

Знамением нашего времени стало растущее участие все более широких народных масс в деле защиты мира. Развернувшееся в последние годы и получившее международный размах массовое антивоенное движение завоевало авторитетные позиции в общественно-политической жизни многих стран и уже внесло важный вклад в сохранение мира. Это вселяет уверенность в людей, зовет к еще более активным, целеустремленным и сплоченным действиям против военной опасности.

Вместе со всеми миролюбивыми силами планеты выступают миллионы советских сторонников мира. Своей деятельностью они демонстрируют нерушимое морально-политическое единство, высокую гражданскую сознательность, активную жизненную позицию советских людей — патриотов и интернационалистов.

Все более важной и ответственной становится сегодня роль советского движения за мир. Необходимо активнее нести людям всей земли правду о ленинской внешней политике Страны Советов, разоблачать происки врагов мира, разрядки и разоружения, развивать связи и сотрудничество со всеми, кто выступает против угрозы ядерной войны.

Созидательный труд каждого советского человека является наиболее эффективным личным вкладом в дело мира. Чем лучше обстоят дела в нашем народном хозяйстве, тем крепче международные позиции СССР, тем больше возможностей надежно обеспечить мирную жизнь советских людей и безопасность народов.

Ваша конференция проходит в знаменательный для всего прогрессивного человечества год 40-летия Победы над фашизмом и окончания второй мировой войны. В память о тех, кто отдал жизнь ради этой великой Победы, ради мирного будущего сегодняшнего и последующих поколений, нужно сделать все зависящее от нас, чтобы добиться коренного оздоровления всей международной обстановки.

Сегодня нет более важной задачи, чем задача не допустить развязывания ядерной войны. Началом успешного ее решения было бы предотвращение гонки вооружений в космосе и одновременное продвижение по пути радикальных сокращений ядерных вооружений вплоть до полного их уничтожения.

Руководствуясь этим, Советский Союз выступил с инициативой начать советско-американские переговоры по космическим и ядерным вооружениям. Мы намерены вести их поделовому, конструктивно. Будем надеяться, что и США проявят честный, ответственный подход.

Желаю новых больших успехов движению советских сторонников мира, всем миролюбивым силам планеты.

К. ЧЕРНЕНКО

МОСКВА. 23 января 1985 года. Всесоюзная конференция сторонников мира.

ДАНИЯ.

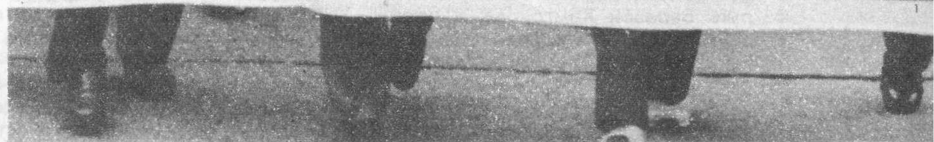

Фото Валерия КИСЕЛЕВА

ЯПОНИЯ.

ИСПАНИЯ.

НА ОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТОРОННИКОВ МИРА

Век, в котором мы живем, стал в истории первым, когда война может стать началом последнего вооруженного конфликта землян. Сознание этой опасности приводит миллионы людей в ряды активистов антивоенного движения. В авангарде противостоящей милитаристам силы — советские сторонники мира, собравшиеся 23 января в Москве на свою Всесоюзную конференцию.

В конференц-зале СЭВ встретились свыше девятисот посланцев из всех республик, краев и областей страны — передовики производства, ученые, деятели культуры, космонавты, представители религиозных кругов, общественных, советских и партийных организаций. Почетные гости — делегация Всемирного Совета Мира во главе с президентом ВСМ Р. Чандрой, главы национальных комитетов мира социалистических стран, представители антивоенных движений и организаций многих государств мира и, конечно, ветераны минувшей войны. Военная профессия С. В. Демидова — сапер. Мирная — архитектор. Кому, как не зодчим, особенно больно видеть разрушенными творения рук своих! Десятки зданий спас Серафим Васильевич, ныне профессор Московского архитектурного института, десятки смертей видел... «До конца дней своих останусь в рядах бойцов армии мира»,— говорит он. От Курской дуги до Эрфурта — такой боевой путь Баразби Хамгокова, в прошлом спортсмена-конника из Нальчика. «Империалисты навязали нам бессмысленное соревнование в наращивании ядерных арсеналов. Пусть лучше спортивные арены станут местом состязаний между государствами!» — это слова ответственного секретаря Кабардино-Балкарского комитета защиты мира.

В августе 1949 года в Москве проходила первая Всесоюзная конференция сторонников мира. Деятельность избранного на ней Советского комитета защиты мира стала началом организованного движения сторонников мира в СССР. Конференция убедительно показала различие советской внешней политики, всецело подчиненной стремлению к прочному миру, и американской, толкающей народы к развязыванию атомной войны. Год спустя на конгрессе в Варшаве был избран Всемирный Совет Мира, начался долгий, трудный, победоносный марш всемирного антивоенного движения.

...Москва, 1985 год, январь. Подводятся итоги деятельности Советского комитета защиты мира за последнее пятилетие. Это был период, когда противостояние между силами войны и мира достигло апогея. Бурными, продолжительными аплодисментами встречает зал приветствие, поступившее в адрес конференции от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К. У. Черненко. Его огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

— Как из капель складываются ручьи, из ручьев реки, а реки пополняют океан, так и антивоенные организации и движения, старые и новые, более опытные и менее опытные, в конечном итоге превратились в великую силу, с которой не могут не считаться самые горячие головы из лагеря сил войны,— сказал в отчетном докладе председатель Советского комитета защиты мира Ю. А. Жуков. Он выразил твердую уверенность, что и в предстоящие годы советские сторонники мира плечом к плечу с людьми доброй воли всех стран сделают все, что в их силах, чтобы защитить самое дорогое достояние человечества — мир на земле.

— Гнева и презрения достоин тот, кто не чувствует боли народов, кто не уважает трагической памяти человечества,— говорила с трибуны мастер машинного доения совхоза «Глобинский сахарный комбинат» Полтавской области, Герой Социалистического Труда Анна Николаевна Сиволап.— Война обожгла сердце каждого советского человека, снится она в кошмарных снах людям моего поколения. Мы говорим заокеанским ястребам: остановитесь, господа! Не будьте так близоруки, жестоки и примитивны в своих расчетах сделать бизнес на страхе и крови. А простых американцев, которых президент Рейган пугает вымышленной «советской угрозой», я приглашаю к себе в гости. Мы сядем под яблонями и поговорим о будущем наших детей. Верю, что поймем друг друга без переводчика, ведь самые заветные надежды у простых людей планеты едины.

В перерыве знакомые и незнакомые люди подходили, обнимали, целовали Анну Николаевну, выражали свое восхищение украинской крестьянкой, матерью пятерых детей, депутатом Верховного Совета СССР. «Ваши слова потрясли и растрогали меня до глубины души. Вы говорили как мать, как женщина о необходимости помнить прошлое, верить в будущее. Благодарю вас. Вы помогли мне стать еще более решительной в стремлении защитить мир»,— написала записку в президиум конференции гостья из американского штата Миннесота Памелла Костейн, член руководства организации «Движение за выживание».

...Сменяют друг друга ораторы. И каждый выражает полное одобрение и поддержку миролюбивой внешней политике Советского Союза. Из их уст звучит всепобеждающая истина, которую не умалить заокеанским лжецам. Равно как не усмотреть направляющую «руку Кремля» в действиях многочисленных организаций, комитетов и движений за всеобщий мир и разоружение. Об этом говорил в интервью корреспонденту «Огонька» пастор из ФРГ Конрад Любберт, председатель организации «Братство примирения».

— Нашу страну называют самой милитаризованной зоной мира. Даже после того, как состоялась советско-американская встреча в Женеве, борцам за мир нельзя почивать на лаврах. Антивоенное движение в Западной Германии, зародившееся в годы разрядки, ныне охватывает свыше семидесяти процентов населения. Как бы ни пытались противники дискредитировать нашу борьбу — люди сделали выбор: жизнь без американских ракет!

О всенародном характере советского движения сторонников мира говорят цифры. В Неделе действий за разоружение, состоявшейся в прошлом году, прошло свыше ста тысяч антивоенных акций, в них участвовало 53 миллиона человек.

Участники конференции с тревогой говорили о недопустимости гонки вооружений в космосе. Член Советского комитета защиты мира, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко рассказал о встречах с американскими астронавтами, на которых шла речь о создании международной организации, которая объединила бы граждан всех стран, кто совершил полет в космос.

— Ведь Земля из космоса сверхуязвима,—говорил Г. М. Гречко.— Ошибаются те, кто считает, будто война в космосе не коснется Земли. Любое оружие, которое появится за пределами земной атмосферы, в первую очередь будет направлено на земные города... И все же я верю в светлый разум человечества, поэтому не могу не согласиться со словами Антуана де Сент-Экзюпери: «Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой...»

* * *

Конференция утвердила Положение о Советском комитете защиты мира. Единодушно была принята резолюция, в которой делегаты заявили о твердой решимости развивать активность советского движения сторонников мира. С воодушевлением было принято письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу К. У. Черненко.

Был избран новый состав Советского комитета защиты мира, его председателем вновь стал Ю. А. Жуков.

Владимир **КОВАЛЕВ**

УСПЕШНО ЗАВЕРШИМ ПЯТИЛЕТКУ

Об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1984 году сообщает ЦСУ СССР

В 1984 году, четвертом году одиннадцатой пятилетки, национальный доход, использованный на потребление и накопление, составил (в сопоставимых ценах) 496 миллиардов рублей.

Продукция промышленности возросла по сравнению с 1983 годом на 31 миллиард рублей и достигла 783 миллиардов рублей (в оптовых ценах предприятий на 1 января 1982 года).

Продукции сельского хозяйства в 1984 году получено 135 миллиардов рублей, что более чем на 7 миллиардов рублей превышает среднегодовой объем за предыдущие три года пятилетки.

Улучшилось использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов. За счет повышения производительности общественного труда обеспечены экономия труда 3 миллионов человек, 94 процента прироста национального дохода. Сократились потери рабочего времени, текучесть кадров.

В 1984 году обеспечено дальнейшее повышение народного благосостояния.

Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве составила 185 рублей; среднемесячная оплата труда колхозников — 145 рублей.

Численность населения Советского Союза на 1 января 1985 года составила 276,3 миллиона человек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (3003)

2—9 ФЕВРАЛЯ

Планета — земное отечество.
От бед оградим человечество!

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Хищник пентагоновский жесток,
Но свободный край не одинок.

Сионистский наглый сброд
Имитирует уход.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. В. ФРУНЗЕ

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПОЛКОВОДЕЦ, ВОЕННЫЙ ТЕОРЕТИК

Н. ЛЯЩЕНКО,
генерал армии

Великий Октябрь поднял на высоты истории когорту выдающихся личностей. В их числе — Михаил Васильевич Фрунзе. Это человек разносторонних дарований, убежденный большевик-ленинец, партийный и государственный деятель, выдающийся полководец и военный теоретик, один из организаторов и создателей Советских Вооруженных Сил.

М. В. Фрунзе родился 2 февраля 1885 года в г. Пишпеке (ныне г. Фрунзе) в семье фельдшера. После окончания гимназии поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института. Здесь, в Петербурге, в ноябре 1904 года, накануне первой революции в России, вступил в ряды партии большевиков. С этого момента для него настала пора самоотверженной борьбы за интересы трудящихся.

В бурные исторические дни 1905 года Михаил Васильевич Фрунзе (Трифоныч) находится в гуще событий. Он пишет листовки, готовит партийцев к агитационной работе. Его лекции, выступления других пропагандистов называли социалистическим университетом.

Проводя в жизнь ленинскую идею вооружения пролетариата в революции, М. В. Фрунзе непосредственно возглавил организацию боевых дружин. Это в немалой мере помогло созданию в Иваново-Вознесенске первого в России Совета рабочих депутатов.

Позже М. В. Фрунзе неоднократно подвергался арестам, дважды был приговорен к смертной казни с заменой ее каторжными работами. В конце 1914 года его отправили на поселение в Верхоленский уезд Иркутской губернии, но вскоре снова арестовали. В августе 1915 года он бежал из тюрьмы и работал нелегально в Забайкалье.

Под фамилией Михайлов М. В. Фрунзе попал на Западный фронт, и к началу Февральской революции он стоял во главе подпольной революционной организации,

имевшей отделения в 10-й и 3-й армиях. Тюрьмы и каторга подорвали его здоровье, но не сломили волю к революционной борьбе, не поколебали силу духа. Даже в мрачной камере смертников в ожидании казни М. В. Фрунзе продолжал деятельно трудиться, занимался самообразованием — изучал иностранные языки, политическую экономию, право, литературу.

После свержения самодержавия в феврале 1917 года Михаил Васильевич стал одним из руководителей революционного движения в Белоруссии, организатором Минского Совета рабочих депутатов. Он принимал участие в ликвидации корниловского мятежа в качестве начальника штаба революционных войск Минского участка, в ликвидации левоэсеровского мятежа в Москве, в подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле.

Хорошо знавший М. В. Фрунзе по совместной работе в губисполкоме Д. А. Фурманов так записал в своем дневнике: «Это удивительный человек. Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Взгляд неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова — просты, точны и ясны; речи — коротки, нужны и содержательны; мысли — понятны, глубоки и продуманы; решения — смелы и сильны; доказательства — убедительны и тверды. С ним легко. Когда Фрунзе за председательским столом — значит, что-то будет сделано большое и хорошее».

То было тяжкое для Республики Советов время. Вокруг нее все теснее сжималось огненное кольцо фронтов. Партия и народ все свои силы отдавали делу разгрома врагов, защите завоеваний Великого Октября. ЦК РКП(б) направляет на фронт наиболее мужественных и закаленных работников, способных обеспечить решающий перелом в ходе войны. В их числе был и М. В. Фрунзе. Именно здесь в то время решалась судьба революции. В конце января 1919 года М. В. Фрунзе прибыл в штаб 4-й армии Восточного фронта. Назначение на пост командарма человека, не имевшего опыта вождения войск в фронтовых условиях, могло показаться на первый взгляд не вполне обоснованным. Сам Михаил Васильевич готов был занять в действующей армии более скромный пост. Но Центральный Комитет партии, В. И. Ленин, хорошо знавшие Михаила Васильевича и высоко ценившие его исключительные организаторские способности, решили иначе. М. В. Фрунзе назначается командующим Южной группой войск Восточного фронта. Вверенными ему силами он наносит удар по флангам наступающих белогвардейских армий. Смелый и умелый выбор направления главного удара принес успех. Белогвардейцы и интервенты покатились на восток. Летом 1919 года войска Восточного фронта освободили Урал.

Партия поручает Фрунзе возглавить войска Туркестанского фронта. Вспоминаются рассказы тех, кто служил в войсках ТурКВО, о М. В. Фрунзе. Говорили о его смелости, отваге, говорили о нем как о земляке, который хорошо знал языки народов Средней Азии, их обычаи и житейские порядки, это поднимало его авторитет в войсках и в народе.

Под командованием М. В. Фрунзе были окружены и уничтожены южные группы колчаковских войск, ликвидированы красноводская и семиреченская белогвардейские группировки, разгромлена армия бухарского эмира.

2 сентября 1920 года М. В. Фрунзе послал В. И. Ленину телеграмму, в которой говорилось: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции». Блестящей победой над численно превосходящими силами бухарского эмира войска Туркестанского фронта завершили утверждение Советской власти на всей территории бывшего Туркестанского края.

Поскольку на других фронтах гражданской войны ожесточенные сражения продолжались, партия большевиков возложила на М. В. Фрунзе новую ответственную задачу: он назначается командующим войсками Южного фронта, созданного для разгрома окопавшихся в Крыму белогвардейских банд Врангеля.

«26 сентября мы, старшие командиры штаба, находились в просторном зале заседаний и в ожидании очередных сводок обсуждали сложную, во многом неясную фронтовую обстановку,— вспоминал бывший помощник командующего Южным фронтом С. Д. Харламов.— За разговорами у оперативных карт не заметили, как в дверях появился неизвестный военный, одетый в простую серую шинель. Взгляд его был открытый и приветливый. Как старший по должности, я пошел ему навстречу, намереваясь спросить, кто он такой. Но он опередил меня.

— Здравствуйте, товарищи командиры! — негромко сказал незнакомец.— Я Фрунзе.

Все обернулись на голос. Те, кто сидел, вскочили и невольно вытянулись, приветствуя нового командующего фронтом. Когда я доложил, чем занимаются работники штаба, Фрунзе коротко бросил «хорошо» и стал знакомиться с нами. Каждый, представляясь ему, четко называл свою фамилию и должность, а он, пожимая командирам руки, пристально вглядывался в их лица, словно сразу же старался запомнить всех будущих помощников».

Уже 16 ноября выдающийся пролетарский полководец докладывает В. И. Ленину о полном разгроме Врангеля. Каховка, Перекоп, Сиваш, Чонгар навсегда вошли в славную летопись замечательных побед Советской Армии.

После гражданской войны М. В. Фрунзе — уполномоченный Реввоенсовета страны на Украине, командующий вооруженными силами Украины и Крыма, заместитель председателя СНК Украины.

В короткие сроки под руководством М.В. Фрунзе были ликвидированы еще бродившие по Украине банды. В одной из стычек его ранили. Совет Народных Комиссаров УССР, отмечая мужество и отвагу М. В. Фрунзе, высказался против непосредственного его участия в боях.

Михаил Васильевич, будучи на Украине, проявил себя и как дипломат, участвуя в первых переговорах и заключении договора о дружбе и братстве между Украиной и Турцией.

В дни, когда проходил XI съезд РКП(б), он выступил с докладом на совещании военных делегатов «Основные военные задачи момента». Тогда же его избрали членом ЦК РКП(б).

В марте 1924 года Михаил Васильевич назначается заместителем Председателя РВС СССР и народного комиссара по военным и морским делам СССР и по совместительству начальником штаба Красной Армии. Вскоре его награждают вторым орденом Красного Знамени. Прошло менее года, и Михаил Васильевич стал Председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам. На этих постах он возглавил перестройку Красной Армии на основе ленинских принципов советского военного строительства, внес огромный вклад в осуществление разработанной партией военной реформы 1924—1925 годов.

Кипучая и многогранная деятельность М. В. Фрунзе оборвалась на сорок первом году жизни. Но и за это время он сделал очень многое для укрепления нашей армии и флота. Им были поставлены и решены важные вопросы обучения и воспитания личного состава армии социалистического государства. Они нашли затем свое отражение и дальнейшее развитие в боевой и политической подготовке советских воинов, в наставлениях и уставах. Воинское воспитание он рассматривал в неразрывной связи с политическим воспитанием военнослужащих. М. В. Фрунзе подчеркивал, что основу идейной закалки высоких морально-боевых качеств личного состава составляют политика партии, марксистско-ленинское мировоззрение.

М. В. Фрунзе является автором научных трудов по проблемам советской военной науки и военного искусства, советской военной доктрины. Его мысли по вопросам советского военного строительства, обучения и воспитания советских воинов получили подтверждение в годы Великой Отечественной войны. Они актуальны и в наши дни.

Мне довелось в 40-х годах учиться в академии, носящей его имя. В те годы появился кабинет М. В. Фрунзе. Это, по существу, был первый его музей. Ведал им его соратник Ф. Ф. Новицкий. Мне не раз приходилось работать в этом музее, встречаться и беседовать с Федором Федоровичем. Он тепло вспоминал Михаила Васильевича, много рассказывал о нем как о выдающемся государственном и военном деятеле, как о человеке душевном, умевшем находить общий язык с рабочими и крестьянами, солдатами и офицерами, представителями новой и старой интеллигенции. Как говорил Федор Федорович, старые офицеры и генералы называли его генерал-самородок.

В эти дни все советские люди отмечают 100-летие со дня рождения М. В. Фрунзе. На его родине в городе Фрунзе построен интереснейший музей. В здание музея вмонтирован скромный домик, в котором родился и рос М. В. Фрунзе. В музее много экспонатов, рассказывающих о жизни и деятельности славного сына советского народа, коммуниста-ленинца, первого наркома-военмора Советского Союза.

М. В. Фрунзе среди летчиков 3-й отдельной разведывательной эскадрильи.

К 40-ЛЕТИЮ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль на конференции в Ялте.

АКЦИЯ «АРГОНАВТ»

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

В секретной дипломатической переписке союзников в годы войны подготовка этой конференции получила кодовое название «Аргонавт». Древнегреческий миф повествует о подвигах героев, отправившихся на корабле «Арго» к далеким черноморским берегам в поисках золотого руна, которое охранялось драконом. Есть своя символика в том, что Крымская конференция руководителей трех держав, проходившая с 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте, была названа этим легендарным именем. Ее участники — руководители СССР, США и Великобритании — направились на берега Черного моря, правда, не в поисках золотого руна, а более высокого и ценного блага—мира, и повергнуть им предстояло не мифического дракона, а чудовище куда более сильное, жестокое и коварное — гитлеровский фашизм.

Сегодня, через 40 лет после Крымской конференции, еще более очевидно, что это событие относится к числу крупнейших дипломатических битв второй мировой войны, на которых принципиальность и реализм, гибкость и политическое искусство представителей нашей Родины были столь же эффективны, как героизм бойцов, мастерство командиров и талант военачальников Красной Армии на полях сражений. Не только стены белокаменного Ливадийского дворца помнят это историческое событие. Оно вошло в летопись XX века, живет в памяти народов, стало неотъемлемой составной частью международных отношений современности и продолжает оставаться краеугольным камнем мира и стабильности на нашем континенте.

Крымская конференция рассмотрела широкий круг вопросов, в числе которых стержневым был вопрос о Германии и ее будущем. Враг истекал кровью, но яростно огрызался. Поэтому особое внимание главы трех держав уделили скорейшему разгрому стран «оси». Участники конференции договорились о необходимости добиться безоговорочной капитуляции фашистского рейха, приняли постановление об оккупации Германии и установлении контроля над ней. Они наметили главные направления согласованной политики в отношении Германии, в основу которых были положены принципы демократизации и демилитаризации страны.

В комплексе проблем, которые рассмотрели главы трех держав, особое место занимала роль возрожденной Польши в новой Европе. Союзники подтвердили свое желание видеть «сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу». Они согласились с тем, что «Польша должна получить существенное приращение территории на Севере и на Западе», и приняли решение о новой границе Польши по линии Одер — Нейсе. Таким образом, впервые в истории Польши справедливо была решена проблема ее государственных границ.

Союзники договорились, что Советский Союз вступит в войну с Японией при условии сохранения статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики), восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов.

Крымская конференция завершилась заявлением ее участников, которое было озаглавлено «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Руководители трех великих держав согласились сохранить и усилить в предстоящий мирный период то сотрудничество, которое осуществлялось между Советским Союзом, США и Англией в дни войны.

Сразу же после войны западные державы отошли от принципов координированной политики в отношении побежденной Германии и вернулись к «мюнхенской» политике сговора с германским милитаризмом под общим обтрепанным антисоветским знаменем. Западногерманский реваншизм вырастает из вашингтонского курса на пересмотр существующих в мире реальностей и тесно смыкается с ним. Подоплекой военной оси Вашингтон — Бонн становится идеология антикоммунистического «крестового похода». При прямом содействии США Федеративная Республика Германии сделалась одной из ведущих военных

держав западного альянса. Размещение американских «Першингов-2» и крылатых ракет на территории ФРГ еще глубже втягивает эту страну в омут агрессивных приготовлений США, превращая ее в стартовую площадку для нанесения первого удара по Советскому Союзу.

Нападки на Ялту — это покушение на принципы сотрудничества между бывшими союзниками, на принцип мирного сосуществования, на сложившиеся в мире политические и территориальные реальности. Президент США не раз призывал к пересмотру решений Ялтинской конференции и Заключительного акта, принятого в Хельсинки, заявляя, что «пассивное согласие» с нынешней ситуацией в Европе не является для Вашингтона «приемлемой альтернативой».

Нужно ли говорить, что подобные заявления служат допингом для западногерманских реваншистов, которые утверждают, что «германский вопрос остается открытым» и юридически «Германия продолжает существовать в границах 1937 года». Особенно беспардонны их домогательства в отношении Польши. «Землячество силезских немцев» готовит сейчас сборище под провокационным девизом «40 лет изгнания — Силезия останется нашей». Примечательно отношение и определенных рейнских кругов к приближающемуся Дню Победы. Для председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге А. Дреггера и его единомышленников этот день — «не основание для празднования». 8 мая 1945 года, заявил он, это историческая дата одной из величайших — если не самой большой — катастроф в немецкой и европейской истории...

Как бы ни старались реакционные политики и публицисты, переписать историю на свой лад им не удастся. В решениях Крымской конференции нашла свое выражение разумная, реалистическая и согласованная политика трех великих держав — союзниц по антигитлеровской коалиции.

Перед лицом фашистской угрозы противоречия между участниками антигитлеровской коалиции отошли на второй план. Не стоят ли государства противоположных систем сегодня перед угрозой еще большего масштаба — угрозой термоядерного пожара? Не диктует ли им суровая реальность снова необходимость отложить в сторону то, что мешает объединиться в главном — в усилиях по спасению мировой цивилизации? Именно на достижение такого согласия направлены помыслы и дела нашей страны. Мы настойчиво добиваемся неотложной задачи современности — предотвращения милитаризации космоса, прекращения гонки вооружений, ограничения, сокращения, а затем полного исключения ядерного оружия из арсеналов государств. Задача эта исторического масштаба. По инициативе СССР к ее решению сделан определенный позитивный шаг. Об этом говорят итоги недавней советско-американской встречи в Женеве. Вот почему 40-летие Крымской конференции мы отмечаем не как далекую академическую дату, а как близкое нашему времени событие. Решения Ялты тесно связаны с современностью. Линия Ялта — Потсдам — Хельсинки жива. Она неодолима.

ЗОЛОТАЯ «ХОХЛОМА»

Посмотрите еще раз на нашу последнюю обложку. На ней зимнее Заволжье — удивительный край с пропахшими хвоей лесами, серебряными извивами речек, многоцветьем лугов и долин. Не оттого ли и расцвела здесь «хохлома»? Дивная это роспись: войдите в сувенирный магазин — и вот уже перед вами, словно огненное колесо, катится по дну хлебосольной чаши черно-красный орнамент, похожий на старинный узорный печатный пряник, вокруг ромба вихрятся травки. На округлых золотистых боках невысоких ваз изгибаются нежные листики и веточки с упругими, точно блестящими на солнце ягодами черной смородины. Большой ковш «Курица» вызывает в памяти сказочную жар-птицу, ярким пламенем горят узоры ее чудо-перьев. А с «хохломой» попроще — деревянными подносами и ложками, сахарницами да солоницами — сталкивается каждый из нас повседневно.

Хохломская роспись — глубоко народное самобытное ремесло. Издавна мастера расписывали бытовые предметы—мебель и посуду. Состарившаяся утварь заменялась новой. Поэтому до нашего времени дошло очень мало старинной «хохломы». Самым древним экспонатам в музеях двести лет.

Названо ремесло по имени большого торгового села Хохлома в бывшей Нижегородской губернии, куда в старину свозились на базар всяческие мастерские поделки: бурлацкие чаши и братины — шаровидные сосуды с широко раскрытым венчиком-горлышком, блюда, поставцы и бочата, удобные для хранения соли, муки и крупы. Продавалась «хохлома» и на Нижегородской ярмарке, оттуда вниз и вверх по Волге развозилась по селам и городам России, добиралась до Средней Азии, Индии, попадала в Европу. В конце XIX — начале XX века этот промысел заслужил всемирную славу.

В наши дни старинное искусство обычно связывается с самой крупной фабрикой «Хохломская роспись» в городе Семенове. Но это не совсем так.

На самом деле ее родина — села колхозов «Семинский» и имени Ленина Ковернинского района. Сегодня здесь успешно продолжаются дедовские традиции.

— Наше хозяйство расположено в Заволжье,— говорит председатель колхоза имени Ленина Михаил Григорьевич Вагин,— в тех самых местах, о которых замечательный русский писатель П. И. Мельников-Печерский рассказывал в своей книге «В лесах»: «Земля холодна, неродима, своего хлеба мужику разве до масленой хватит, и то в урожайный год... Такова сторона!» Не пашня кормила в те далекие времена крестьянина, а лес. И, конечно, трудно было знатоку нижегородской старины представить, что «неродимая» земля станет когда-нибудь дарить людям высокие урожаи зерна, картофеля, трав. В прошлом году мы получили зерновых почти по сорок центнеров с гектара. Высока у нас и продуктивность животноводства. Но тем не менее мы стараемся успешно развивать «хохлому». Цеха художественных изделий и сувениров, а их у нас шесть, дают немалый доход в колхозную кассу.

Михаил Григорьевич Вагин — председатель с двадцатипятилетним стажем, депутат Верховного Совета РСФСР. Его хозяйство одно из лучших в Горьковской области. Нельзя не порадоваться, что такой человек вновь назван земляками кандидатом в депутаты высшего органа власти Российской Федерации. Немало пришлось приложить сил руководителю, прежде чем подсобные промыслы стали в колхозе полноправной отраслью производства. Особо надо сказать о «хохломе». Дело в том, что долгое время во многих селах занимались росписью в свободное от крестьянских работ время. Потом в Ковернинском районе открылась фабрика «Хохломской художник», и большинство ведущих мастеров стали работать там. Потому, когда Михаил Григорьевич заговорил о возрождении производства «хохломы» в хозяйстве, многие засомневались, найдутся ли способные художники. Художники нашлись.

Оказалось, что не все, даже умелые мастера решались оторваться от крестьянского уклада жизни и переехать поближе к фабрике. Тогда этих мастеров объединили в артель и всерьез взялись за возрождение художественных промыслов.

Экономический эффект превзошел все ожидания. И не только в материальном плане — изменились человеческие взаимоотношения. Станет, скажем «жарко» в поле, и цехи тут же закрываются, а мастера выходят на подмогу. В ненастье же, наоборот, колхозники без дела не сидят, спешат под крышу, помогают художникам. Чуть выглянуло солнышко, просохло — и все снова в поле. Люди заняты круглый год, а не сезонно, и это для села чрезвычайно важно.

Кроме того, подсобные промыслы как бы исподволь решают «проблему невест». В художественные цехи девушек влечет красота. Сюда приходят все, кто умеет рисовать. И многие становятся настоящими, признанными мастерами. Сейчас в цехе около 150 девушек-художниц, одни из них обучались в специальной школе, другие набирались умения под присмотром старших на рабочем месте. Талантливые умельцы загодя готовят смену, учат старшеклассников правильно держать в руках кисть, наносить легкие и подвижные мазки, прививают мальчишкам и девчонкам вкус к народному искусству.

Хохломские художники любят рисовать землянику, малину, ежевику, крыжовник, черную и красную смородину, рябину. Называют они ягоды ласково, и никогда даже один и тот же мастер не напишет их одинаково: чуть-чуть изменит очертания листа, по-другому изогнет веточки, разбросает цветы и ягоды — и вот тот же самый природный мотив уже заговорил с нами по-новому. В разнообразии мотивов проявляются богатство творческого воображения художника, его мастерство и наблюдательность. Увидела, например, Валентина Яковлевна Курнакова пшеничный колос непривычной формы — и тут же его перерисовала. Пришла в цех поутру одна из работниц и говорит: «Какие красивые листья я в лесу увидела!» «Принеси»,— попросила ее Антонина Васильевна Разборова. Та принесла. А Антонина возьми да и брось их на поднос, который разрисовывали в цехе к Олимпиаде-80. Очень красиво получилось.

Много изделий выходит из-под рук умельцев золотой «Хохломы». В Сочи, в здании дегустационной фирмы «Краснодарский чай», три комнаты украшены хохломской росписью. Столы, стулья, сундуки, овал для зеркала, полки, вешалки, окладки на окна, двери — все это дело рук колхозных столяров и художников.

Жаркими красками, щедростью узоров радует посетителей «хохлома» на ВДНХ СССР в павильоне «Подсобные промышленные производства и промыслы в сельском хозяйстве». Работы художниц экспонировались в Венгрии, Чехословакии, ГДР. Мастеров награждали почетными дипломами и медалями.

...Каждая расписанная вещь вначале была грубым бруском дерева. Простые чашки, поставцы может выточить и любой обученный этому делу токарь: нужен лишь зоркий глаз и уверенная рука. А вот ковши-утки, лебедушки, глухари творит художник-умелец Александр Васильевич Запонов. Он резчик по призванию, ему присуще тонкое художественное чутье: вещь, сработанная им, словно поет.

...В цехе росписи художница Маргарита Ивановна Петрова нежно дописывает последний листик. Еще одна золотистая чаша украсит чей-то дом. Радостно и тепло на душе: старинное русское искусство здравствует и развивается, долгие, долгие годы будет украшать нашу жизнь.

Зоя КРЯКВИНА

ЮРИЙ КОРОЛЕВ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Есть произведения, особенно дорогие каждому мастеру. Юрий Константинович Королев называет две самые интересные для себя работы: мозаику в Центральном музее Вооруженных Сил и витраж в гостинице «Россия». Наверное, потому, что они во многом были первыми и не только для него — для всего нашего современного искусства.

Поднятое над широкой белокаменной лестницей панно Ю. Королева «Народ и армия едины» встречает посетителей в аванзале музея. Теплый, мягкий блеск смальты, золотые лучи солнца, восходящего над землей, мажорные аккорды радостного, алого и нежных светлых тонов, в которые как напоминание о трагедии войны вплетается насыщенный, густой багрово-красный. Центральные, основные образы — рабочий, космонавт, ученый, молодая женщина с малышом на руках и старая, седая мать, поднимающая над головой оливковую ветвь мира. Кажется, что они идут навстречу с открытыми, просветленными лицами, наделяя нас той гармонией и внутренней силой, которые излучают сами. Не народ-воин, нет,— народ созидающий, мыслящий, ценящий мир. Так жизнеутверждающе, со спокойным волевым оптимизмом решил художник эту грандиозную задачу.

Витраж в гостинице «Россия» в зале приемов на 21-м этаже совсем другой по замыслу, по рисунку, по отбору изобразительных средств и сродни самобытному народному творчеству. Сочный, чистый цвет стекла, вписанного в сварные переплеты в виде затейливых пряничных досок, металл, кажущийся старинным черненым серебром. Волшебные листья, цветы, травы, подсказанные неистощимой фантазией, вековой фольклорной традицией; настоящая «Лесная сказка»— звонкая, живая, переменчивая: красочная в ярком свете дня, сдержанная, строгая в пасмурную погоду. А если рядом нет освещения, графически четко смотрится сама конструкция, держащая стекло.

Оба эти произведения стали программными для художника. В них он воплотил свою позицию, тесно связав остроту формы, колористические искания с гражданским пафосом, с поэтическим воплощением героики и романтики.

Он пришел в искусство, когда массовое строительство новых городов, жилых массивов и общественных сооружений потребовало активного вторжения художника в архитектуру. Создавать пространственную среду, которая могла бы возвысить, духовно обогатить человека,— это ли не мечта, не дело жизни!

«...по повелению Мудрости во всем городе стены внутренние и внешние, нижние и верхние расписаны превосходнейшей живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки и достижения культуры». Так писал в 1602 году Томмазо Кампанелла в своем поэтическом диалоге.

«Город Солнца» — далекая греза мыслителя-утописта стала осуществленной реальностью.

В городе Брежневе Ю. Королев сделал витраж на фасаде кинотеатра «Батыр». По вечерам, освещенный изнутри, он огромным красочным орнаментом словно парит над улицами, создавая праздничный эффект. В Тольятти поставил стелу, плоскости которой покрыты мозаикой, в честь присвоения автозаводу имени 50-летия СССР. В Мурманске и Петрозаводске оформил интерьеры театров.

Когда в суете и спешке приезжающих-уезжающих на столичном Центральном автовокзале взгляд вдруг задерживается на большом панно, на лучащейся, золотистой смальте, внутренний ритм только что торопившихся людей невольно меняется. Символические, обобщенные образы вызывают воспоминания об отчем доме, о семье, о близких. И на душе теплеет, уходит усталость, и дорога кажется не такой длинной...

— Когда приходишь на строительную площадку, где только что закончились или завершаются работы, сам начинаешь чувствовать себя строителем, ощущаешь огромную ответственность, причастность к делам страны.

Художник — человек государственный,— убежден Ю. Королев,— независимо от того, где находятся его произведения — на многолюдной площади, в тиши музеев или гостиной Дома культуры. Огромна наша ответственность,— говорит он,— за воздействие на умы и сердца зрителей. Мы должны быть полезны обществу и только тогда сами будем ему нужны.

Ко всему, что я делаю,— продолжает мастер,— я отношусь как к социальному заказу народа. И работу художника-монументалиста понимаю как свой общественный долг...

Для него это не громкие слова. В этом его жизнь, творчество, способ его существования. Он всегда занимал активную жизненную позицию. И в студенческие годы, когда вместо курсовых эскизов, созданных в институтской мастерской, вместе со своими товарищами Виктором Беляевым и Евгением Аблиным подыскивал объекты, чтобы делать настоящее дело. Безвозмездно они расписали кинотеатр «Москва» в Ленинграде, радовались любому заказу, лишь бы быть полезными. Дипломами для него и его друга Бориса Тальберга стали росписи «Спорт — посол мира» в Ленинградском институте физкультуры имени Лесгафта. Юрий Королев предложил свое искусство времени, людям, и оказалось, что оно необходимо.

Мастера 20—30-х годов думали о фресках, о больших настенных композициях. Революция всколыхнула изобразительную мысль, ленинские слова зажигали сердца художников, вдохновляли на масштабные темы, на значительные, монументальные образы. Но многие замыслы так и остались неосуществленными: иные тогда были проблемы. Его учителя — П. П. Соколов-Скаля, П. Д. Корин, А. А. Дейнека — мечтали о стенах. Время еще не всегда могло их предоставить, и все же кое-что удалось сделать. Корин и Дейнека украшали интерьеры московского метро: Дейнека создал плафоны на станциях «Маяковская» и «Новокузнецкая», Корин — медальоны и плафон «Комсомольской-кольцевой», витражи «Новослободской».

Ученик продолжил традицию своих замечательных учителей. Мозаичное панно Ю. Королева на станции «Улица 1905 года», ясные и четкие, пламенные, как строки революционных песен, напоминают о героических событиях первой русской революции. А для станции «Свиблово» он предложил иную атмосферу — старой Руси, с ее преданиями, былинами, с давними гербами городов Золотого кольца.

...В Монреале, в парке, стоит необычная витражная стела. Объемные лепные рельефы из многоцветного стекла просвечивают на солнце, вплетаясь в графику каркаса. Однотонная шероховатая поверхность бетона приглушает блеск; рождается ощущение согласия, покоя, связанные со счастьем материнства, которому посвящены символические фигуры. А вокруг зеленеет трава, гуляют люди, дети играют в нехитрые игры. «Тишина. Мир»— называется эта композиция. Ю. Королев сделал ее для Всемирной выставки ЭКСПО-67, и Советское правительство передало произведение в дар Канаде.

Художник тогда вывел из забвения старую технику витража; сейчас ее успешно применяют мастера во многих союзных республиках.

— Профессиональный уровень советских монументалистов очень высок,— считает Юрий Константинович.— Я всегда в этом убеждаюсь, когда бываю за рубежом и показываю там слайды наших произведений. Их смотрят с удивлением и восхищением. Зарубежная пресса чаще всего превратно толкует советское искусство, художники о нем практически ничего не знают. Наши работы почти всегда бывают для них неожиданны, и они оценивают их очень высоко.

Свой общественный долг народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств Ю. К. Королев видит не только в творчестве, но и в пропаганде произведений своих коллег — он секретарь правления Союза художников СССР, в занятиях со студентами в Суриковском институте, где руководит мастерской, в хлопотливом, требующем много сил, энергии строительстве нового здания Третьяковской галереи. Вот уже пять лет Юрий Константинович директор знаменитой сокровищницы.

Личное время уплотняется. Но художник всегда остается художником. Он любуется жемчужным свечением балтийского неба и моря, как в «Холодном дне», написанном полтора года назад в «Дзинтари», неожиданным ярким натюрмортом, произведением искусства, одухотворенным лицом своего современника. И спешит перенести все это на холст, на левкас, бумагу — маслом, темперой, тушью. Недавно состоявшаяся персональная выставка в Центральном Доме художника показала его интересные станковые произведения. В них воплотилась чуткая и ясная душа художника, своеобразное живописное и пластическое видение, понимание сокровенных сторон человеческой жизни. С чувством сыновней любви и теплоты в 1960 году написал он портрет матери, показав ее нежное, трепетное сердце, доброту, внутреннее изящество. Десять лет спустя создал яркий, запоминающийся образ-символ легендарного человека, конструктора космических ракет. Диптих «Страна Советов» появился к 55-летию Октябрьской революции. Насыщенный цвет, стремительное движение, динамика ритмов, уместная здесь компоновка по принципу кино- и фотомонтажа воплощают многозначность и широту темы, мощь созидания, вдохновенный труд.

Он ощущает мир гармонически, в ладу с собственными убеждениями. Горячие краски его произведений не сушат, не испепеляют — согревают сердце. А голубовато-серебристые, легкие, почти прозрачные тона словно расширяют горизонт, вселяют уверенность и надежду. В такой будто воздушной тональности он изобразил групповой портрет советских космонавтов. На полотне, поставленные фронтально, в полный рост, «Космические братья» индивидуальны и едины; земные, реальные люди и все-таки совсем другие, поднявшиеся над Землей.

Ю. Королев не был бы самим собой, если бы так горячо не принял космическую тему. Передовой рубеж современности — это как раз то, что ему необходимо. В мозаике, украсившей одну из школ на Варшавском шоссе, он показал романтику научного поиска, исследование Вселенной. В росписях кафе «Метелица» на проспекте Калинина использовал мифы и аллегории, связанные с таинственным звездным небом.

Сейчас в своей мастерской Юрий Константинович думает над оформлением площади микрорайона в Тольятти, делает эскизы мозаики для зала Славы в комплексе памятника Победы на Поклонной горе и пишет. Пишет то, что привлекает его взгляд художника...

Ю. Королев. Род. 1929.

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР.

Ю. Королев. СТРАНА СОВЕТОВ. Левая часть диптиха.

Юрий БОНДАРЕВ

Игра

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

Спускаясь по лестнице из мансарды, выйдя в теплынь сада, на посыпанную речным песком дорожку, исполосованную тенями, Крымов опять среди солнценосного июльского дня увидел ту пустынную зимнюю ночь, лунные сугробы и морозное утро в комнате Ольги с их счастливым одиночеством.

— Тебе помочь найти маменцию? — крикнула Таня издали, отрываясь от книги, и заболтала босыми ногами.— Мама на Солнечной поляне. Проводить?

— Не надо, дочь. Я найду.

«Да я и не переставал любить ее,— подумал он, направляясь по тропинке в конец сада, к калитке в лес.— А ей как будто не хватает моей искренности».

Он нашел Ольгу под березами на краю поляны. Она стояла перед утопавшим в траве мольбертом и чуть устало отклонялась от холста, приложив обратную сторону ладони ко лбу. И все было родное в ней: и этот мягкий жест усталости после долгой работы, и узел черных волос, и линия ее спины и плеч, еще молодых, девически крепких, видимо, благодаря занятиям гимнастикой и тибетской йогой, чему она отдавала ежедневно не меньше часа, поверив в этот восточный «секрет» здоровья и вечной молодости.

Она увидела его, опустила кисть, молча повернулась, в ожидании стояла так до тех пор, пока он не подошел быстрыми шагами.

— Здравствуй, ненаглядная жена моя.

«Откуда появилась во мне пошлость? Кто управляет мной?»

И он обнял ее так стесненно, неловко, словно не имел права на объятие и поэтому преодолевал, перебарывал запрет и недозволенное.

— Здравствуй, ненаглядный муж мой.— Она подставила ему не губы, а щеку, взглянула с насмешливым интересом из-под выгнутых бровей.— Разве я столб или дерево? Ты не рассчитываешь свою силу, Вячеслав Андреевич.

От ее сдержанности исходил осенний ветерок, и он догадался о возможных причинах этого неприятного заморозка, но все же нашел мужество пошутить, смягчая ее холодноватость:

— Вероятно, Оля, за неделю, пока не видел тебя, я разучился обращаться с драгоценными вещами, старый осел.

«Опять пошлость! Что это я горожу? В самом деле непроходимый глупец!»

— Тогда отпусти меня, свою драгоценную вещь.

Ее глаза заблестели тою же спокойной недоверчивостью, она осторожно высвободилась, он сказал виновато:

— Я соскучился, если ты можешь хоть капельку поверить...

— Ты приехал вовремя. Мы сейчас идем обедать. Помоги мне собрать мольберт.

Она не попросила его по обыкновению «покоситься на этюды», на еще влажные, не просохшие акварели («Что ты скажешь — ничего это тебе?»), которые он оценивал довольно-таки снисходительно, ибо считал чистый пейзаж лишь зеркальным отражением изменчивой действительности, предпочитая ему портрет природы — пейзаж философский, с разумной, естественной красотой, противоречащей нещадно разрушительной человеческой силе, этому выражению современного урбанистического мира, порочного и заманчивого для многих, любимого бывшими сельскими людьми, составляющими большинство теперешних горожан, и вместе ненавидимого ими. Ольга не сердилась, не возражала, а Крымов заканчивал свою наполовину серьезную критическую проповедь добродушно («Ты у меня незаурядный пейзажист, хотя и архитектор») и целовал ее в загадочно прохладные губы, помладенчески отвечающие и не отвечающие ему.

Но собрав мольберт и глянув на свежую акварель — поляну под палящим полуденным солнцем,— Крымов решил, что снисходительность или шутка сейчас обидят и оттолкнут Ольгу, поэтому сказал миролюбиво:

— В твоем пейзаже знойно, и кажется, что из травы подымается дух переспелой земляники. Ты просто молодчина.

— О, наконец я дождалась твоей похвалы,— сказала она без выражения согласия.— Хорошо. Я благодарна тебе за то, что я тебе стала чуть-чуть нравиться... Но для чего вдруг ты говоришь неправду?

— Оля, могу узнать, в чем я провинился? В чем я виноват?— спросил он по-прежнему дружелюбно, ужасаясь тому, что неискренен с ней.— Ты, кажется, не рада, что я приехал?— продолжал он, взяв ее за плечи, нагретые солнцем.— А я действительно соскучился, до черта устал, соскучился по всем вам и вернулся раньше срока.

— Что на тебя нашло такое?— Ольга вздохнула с видом обреченности.— Мы сейчас утонем в океане жалких лирических слов. Оставь это. Умоляю тебя об одном: поговори сегодня с Валентином, по-моему, он делает непродуманный... безумный шаг. Ты знаешь, что он собрался жениться? Чудак, неопытный мальчик... Но он ничего не слушает, потому что не принимает меня всерьез. Как, впрочем, и ты.

— Черт возьми, хочешь, я встану на колени и в любви объяснюсь?

— Какая ты прелесть, Вячеслав, и всегда неотразим. Твой любимый черт, черт и черт. В тебе осталась солдатская жилка. Хочется ругнуться, а ты крепкие выражения заменяешь чертом. Просто рыцарь!

Она пошла по тропинке впереди него, и крепкая спина ее и бедра, еще молодо-тугие в брюках, которые она надевала для работы, испачканных краской, облепленных цветочной пыльцой, вдруг напомнили радостное, не забытое им долгое сумасшествие в невозвратимые годы надежды после войны и в ту новогоднюю глухую вьюгу на даче, так остро позднее не повторявшееся, охлажденное по его ли, по ее ли вине. И Крымов едва не сказал: «Оля, милая, кто это с нами все делает?» — но безмолвно шел за ней к дачному поселку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Так что же нового у молодежи?

Солнце, с утра проламываясь сквозь листву, накалило на террасе и стол, и соломенные стулья, и деревенские половички, но открытые окна заслоняли березы, и все-таки тут не припекало так давяще и адски, как в этот час в саду.

За обедом хотелось пить, и Крымов время от времени подливал себе ледяную колодезную воду, тяжелую, искрящуюся в графине, мало ел, мечтая о том, как хорошо бы сейчас постоять под душем, затем полежать в тишине кабинета одному среди книжных полок, полистать журналы в бездумной расслабленности. Однако он считался хозяином дома (что в занятости своей никогда обременённо не сознавал и не помнил) и должен был по просьбе Ольги соблюсти в меру правила этикета для главы семейства при знакомстве с невестой сына.

Они, Валентин и его невеста, пришли к обеду с реки юные, дочерна загорелые — он неуклюже рослый, в шортах и сандалиях, с мохнатым полотенцем на шее, она босиком, в красной майке, безмерно короткой, не заправленной в джинсы, открывавшей великолепный плоский живот, вся миниатюрно-маленькая, огромные противосолнечные очки затемняли половину лица. Она не сняла очки и после того, как Валентин, не выказывая чувств, бегло чмокнул отца в щеку, сказал: «Познакомься, прошу. Это моя невеста Людмила». Она же, сделав гибкое полуприседание, протянула выпрямленную ладошку, пропела птичьим голоском: «Люся»,— и заметил Крымов, что худое серьезное лицо сына напряглось, он явно ждал ответных слов отца, чтобы понять, какое впечатление произвел его выбор. Крымов с приветливым поклоном несильно пожал ее влажные пальчики, сказал, что очень приятно видеть невесту сына в этом доме, сказал, удивляясь Ольге и Тане, их вероятной ревности и неприятию этой девицы, ничем особо не отличавшейся от современных девиц-студенток.

«Что ж, у невесты все от времени... Но личико, личико показала бы на минутку, невестушка. А очки не снимаешь не из застенчивости ли?» — думал Крымов, украдкой наблюдая Людмилу, сидевшую напротив рядом с Валентином, и угадывая ее настороженные взгляды из синей темноты очков.

— Так что нового у молодежи? — повторил Крымов.

Он спросил это для того, чтобы прервать затянувшееся молчание, которое становилось уже тягостным, неудобным, ибо с начала обеда Ольга не промолвила ни слова, с воспитанной сдержанностью исполняла роль хозяйки, даже слабо улыбнулась Людмиле, подвигая хлебницу, когда та вилкой потянулась к хлебу, и предупредительно посмотрела на Таню: она, косясь направо и налево, склонилась над тарелкой, готовая прыснуть смехом, и в серых глазах ее резвились бесенята.

— Папа, вопрос: ты считаешь меня молодежью?— спросила Таня, озорно сияя.— Или так себе — глупым подростком?

— Несомненно, разумным представителем передовой молодежи,— шутливо ответил Крымов.— Без предрассудков.

Таня почесала наморщенный нос.

— Тогда вот какие новости: в созвездии Персея в результате мощного взрыва вспыхнула сверхновая звезда. Расстояние от Земли — сто пятьдесят миллионов световых лет. Такое же явление в нашей Галактике наблюдалось во втором веке нашей эры. Вот какая штука произошла, просто голова за голову заходит...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

— Очень интересно,— сказал Крымов.— Слава богу, одной звездой стало больше.

— Это коллапс,— строгим голосом проговорил Валентин.

— Что-что?— воскликнула Таня, подпрыгивая на стуле.— Объясни, пожалуйста, что такое, в самом деле? Ты у нас все знаешь, что, куда, зачем и так далее.

— Не все,— поправил Валентин и покосился на Людмилу: она аккуратно отрезала от огурца колечки, макала в сметану и аккуратно ела, опустив остренький нос к тарелке.— Я знаю то, что знаю. Все знать нельзя, дорогая сестра. Что касается твоего рассказа о рождении новой звезды, то это результат коллапса, сжатия материи в космосе при термоядерных реакциях.

— Ай, как здорово! Потрясающе!— произнесла Таня и, тоже скосясь на Людмилу, с мальчишеской лихостью откусила половину огурца, захрустела им так аппетитно и звучно, что Ольга остановила ее с упреком:

— Таню-уша, ты всех оглушаешь... В конце концов ты девочка, а не грузчик.

— Мамочка, я живу в демократической стране и могу жевать как хочу! Да здравствует свобода, ура и прочее!

«Эту молчаливую Люсю не приняли ни моя насмешливая Таня, ни сдержанная Ольга»,— решил Крымов, почему-то жалея чужую остроносенькую, в марсианских очках девушку, появившуюся в их семье, и, разряжая напряженность за столом, сказал:

— Знаешь, дочь, у Чехова в его прекрасной «Степи» есть место, где один персонаж, Дениска, ест огурец. Там приблизительно так: он отошел в сторону, сел и так стал грызть огурец, что лошади оглянулись на него.

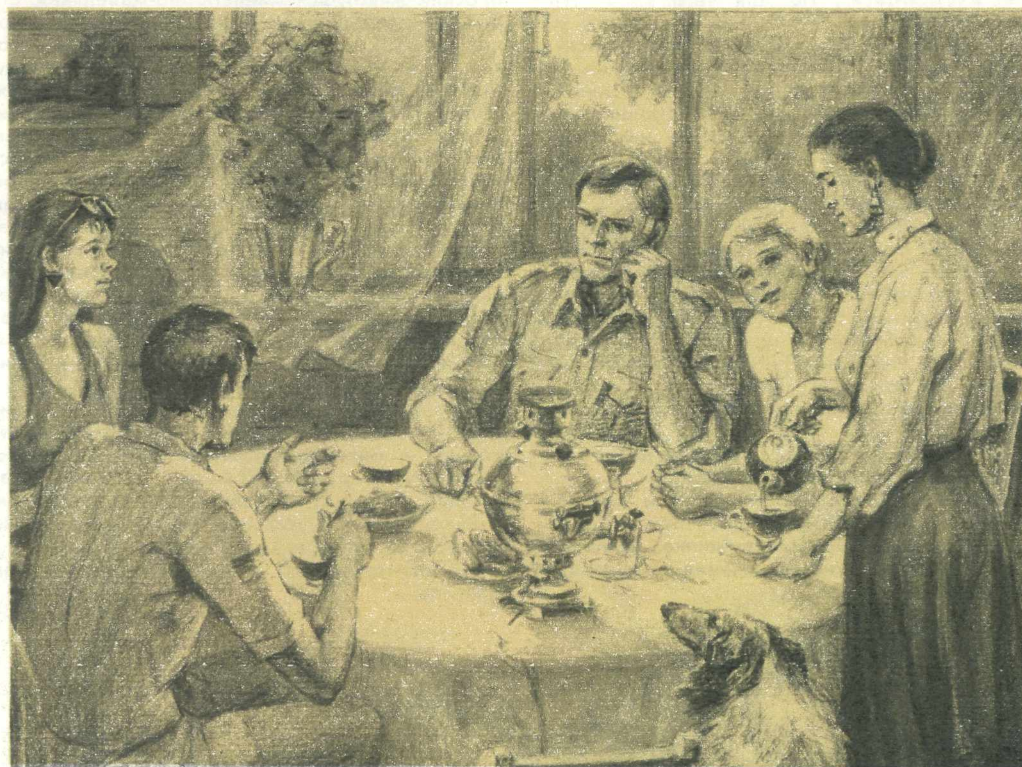
— Вот какой молодец!— воскликнула Таня и захлопала в ладоши.— Вот это, я понимаю, мужичок — перепугал насмерть лошадей. Но я не читала «Степь». Мы не проходили. Я только видела фильм. А мы вот что проходили: Ванька Жуков, пятидесятилетний мальчик, отданный в учение сапожнику Алехину, в ночь под рождество не ложился спать и так далее...

— Пятидесятилетний мальчик?— пожал плечами Валентин.— Что за глупость! Что за нелепица!

— А потому что чертовски надоело слушать на уроке литературы про Чехова — Ванька да Ванька, бедненький, забитый, без золотого детства, и еще: дети при царизме жили в невыносимых условиях, в лаптях, работали по четырнадцать часов в сутки и питались селедкой. А потом еще: сумерки человеческой жизни, все погрязли в пошлости, в разведении крыжовника, и только одна мечта — о небе в алмазах и садах через двести лет. Терпеть не могу нашу Маригенриховну... жердь, сухарь в юбке, старая дева, губы накрашены бледной краской, а говорит в нос: гу-гу-гу...

Таня, продолжая грызть огурец, изобразила выражением своего подвижного мальчишеского лица Маригенриховну, «сухаря в юбке», и это гудение под нос, потом вызывающе скорчила рожицу Валентину, глядевшему на нее суровым взором, заговорила, оживляясь:

— С ней с ума сойти можно! Однажды она вызвала к доске Кудинова, есть у нас в классе такой балбес с гиппопотамским басом, чтобы тот прочитал стихотворение Маяковского «Паспорт». Кудинов вышел, ногу отставил и начал буквально орать: «Я волком бы выгрыз бюрократизм!» — а Маригенриховна вдруг встала, зажала уши, зашла Кудинову со спины и оттуда как завизжит: «Что за безобразие!» Кудинов остолбенел, ничего не сечет, как корова перед фотоаппаратом, и никак не может рот закрыть от растерянности, а потом затоптался, как верблюд на сковородке, поворачивается к Маригенриховне, и мы тут чуть со смеху не умерли. Кто-то из наших остряков приколол ему на спину листок бумаги, а там большими буквами: «Не хочу учиться, братцы! Хочу жениться!» Понимаешь, папа? Прелесть какая...

Таня захохотала неудержимо, не без лукавства оглядывая всех, сверкая юной чистотой зубов, льняными, сплошь выгоревшими на солнце волосами, и Крымов не смог удержаться при виде веселья своей любимицы. Он прикрыл лоб ладонью, затрясся в беззвучном смехе, казалось, вовсе некстати, и тут дошел до него укоряющий голос Ольги:

— Таню-уша, какая ты, право! Ты никому не даешь ничего сказать. И все употребляешь какие-то невероятные слова из школьного жаргона.

— Бред,— фыркнул Валентин.— Абракадабра.

— Не бред, а прелесть,— возразила Таня и с тем же лукавым вызовом мелькнула глазами в направлении молчаливой Люси, спросила неожиданно важно: — А вы, Людмила Васильевна, тоже, наверное, думаете, что это бред? А? Правда?

Людмила подняла марсианские очки от тарелки, старательно и опрятно вытерла губы бумажной салфеткой, выпрямилась за столом так, что ее жалкие в своей неприметности грудки обозначились под майкой гордыми бугорками, сказала тонким голосом совестливой девочки:

— Они хулиганы. Так нельзя издеваться над учительницей. Их надо исключить из школы.

— Не хулиганы, а хорошие ребята,— живо возразила Таня.— И не их надо исключить, а Маригенриховну. За то, что задушила нас скукой и всякой примитивной чепухой!

— Она несчастливая женщина...

— Счастливыми бывают только дураки!

— Значит, они не дураки, дочь.

— Не понимаю, папа...

Крымов вмешался в разговор с предосторожностью, какую всякий раз проявлял, когда начинала горячиться Таня, доказывая свою правоту, разрушая все на пути к собственной истине, и, заметив вишневый румянец на щеках дочери, этот первый признак несогласия, угрожающего перейти в бесполезную страстность истиноискания, договорил примирительно:

— Не дураки, дочь, потому что счастливы.— И, успокоив взглядом засмеявшуюся Таню, обратился к Людмиле давно выработанным тоном почтительной простоты, каким разговаривал с приглашенными на кинопробу молодыми актрисами: — А вы, Люся, на одном курсе с Валентином учитесь?

— Нет.

— А чем вы занимаетесь? Где учитесь?

— Я работаю.

— Где?

— Вячеслав Андреевич, вам не понравится моя профессия.

— Но раскройте секрет, если это в пределах возможного.

— Отец,— вмешался Валентин, насупив темные брови,— ты задаешь вопросы Людмиле, как на экзамене. Не все ли равно в конце концов, чем занимается невеста твоего сына? Любят не профессию, а человека.

— Ты прав,— сказал Крымов.— Но профессия — половина человека.

— А другая половина?

— Это несовершившееся, неудовлетворение, мечты, упование на жар-птицу, иллюзии.

— Все мы, отец, живем придуманной жизнью. Все дворники, все министры и все наполеоны от догматизма.

— Мы живем в неблагополучном мире. Так вернее,— поправил Крымов, пожалев о несокрушимом с детства упрямстве Валентина, и вновь дружелюбно обратился к Людмиле:— И тем не менее я любопытен. Чем вы занимаетесь, Люся?

«В сущности, какое я имею право задавать ей вопросы? Задаю с настойчивостью начальника отдела кадров, что уже занятно и неприлично во всех смыслах...»

— Я работаю, Вячеслав Андреевич.

— Наверное, в каком-нибудь НИИ лаборанткой? Ходите в белом халате и называете своего начальника шефом? Не угадал?

— Не угадали. Я работаю закройщицей в женском ателье.

— Ах, вот как? Интересно.

«В связи с чем я так удивлен? Хотел для сына невесту иной профессии? Я ждал другое? Что именно я хотел?»

— Вячеслав Андреевич, вы как-то странно на меня посмотрели...

Ее голосок прозвучал с кокетливой обидой, но не голос покоробил его, а та противоестественная невероятность, что представилась в возможном соединении мудрствующего, углубленного в себя Валентина, студента Института кинематографии, с этой миниатюрной закройщицей в противосолнечных очках, с капельками пота на остром вздернутом носике. Ольга сидела молча, в скорбном безучастии, ложечкой чертила вензеля на скатерти.

— Странно посмотрел? Извините, Люся. И примите это за любопытство,— проговорил Крымов вежливо.— Меня попросту интересует ваша профессия. Что вы конкретно в ателье делаете? Как вы осуществляете какой-либо фасон, если не секрет? Я понимаю, как трудно бывает иногда угодить жрицам моды.

— Это вовсе не интересно, Вячеслав Андреевич,— сказала Людмила.— Моя профессия вовсе обычная. А вот я люблю ваши фильмы. Такие сильные, такие добрые люди — почему они у вас почти все погибают на войне? Так жалко. Такие хорошие были мальчики. И последний ваш фильм, который сейчас в Пари-

же премию получил... Как он называется? «Необъявленная война»... Вы там хотите сказать, что люди губят природу и губят землю и себя? Я запомнила: у вас там один герой, ученый, очень грустный, говорит своему другу: «И все-таки человек живет не для того, чтобы превратиться в пищу для шести пород могильных червей. Найти смысл жизни — счастье. А счастье — это то, чего мы сами не испытали...»

— У вас хорошая память, Люся.

— Людмила — киноман, отец,— сказал Валентин с ласковой снисходительностью.— Она не пропустила ни одного фильма.

— Я читала в интервью, Вячеслав Андреевич, что вы выбрали на роль молодую актрису из Большого театра, которая должна была сниматься,— тоненько проговорила Людмила, и голос ее запнулся.— Я слышала, что с ней произошло несчастье, и мне так жалко... В том интервью была ее фотография — чудо, какая красивая!

— Ты говоришь об актрисе, которая недавно погибла?— спросил Валентин, хмуро вглядываясь в противосолнечные очки Людмилы.

— Я запомнила ее фамилию — Ирина Скворцова. Я слышала, что у нее была травма, ей запретили танцевать, а вы ее взяли на роль, Вячеслав Андреевич. Какой вы добрый!..

— Она была одаренной актрисой.

«Как их соединить? Каким образом? Ольга, Люся, Валентин... Где связь? Где ниточка логики? Выдержанная Ольга, святая женщина, и рядом остроносенькая Люся, ограниченная девочка с глупенькой смелостью. Что сближает ее и чересчур серьезного, погруженного в себя Валентина? Физическое влечение?»

— Мне так жалко ее,— повторила шепотом Людмила, клоня голову.— Ой, как мне жалко, Вячеслав Андреевич...

Валентин мрачновато сказал:

— Лю-уся, ну что за сантименты! Лишняя трата нервных клеток. Произошел несчастный случай, каких происходит каждый день в одной Москве сотни.

— Не командуй, жених, ты еще не муж!— вмешалась Таня задиристо.— Людмила Васильевна сама знает, когда ей тратить нервные клетки, а когда нет. Какой командир нашелся!

— Как непонятно, дико, нелепо...— одними губами выговорила Ольга, неслышно положив ложечку на скатерть, и Крымов почувствовал, что у него заболело сердце от ее скрытого страдания.

— Дорогая сестра, я с пеленок противник глупой дидактики, как тебе должно быть известно. Я за полную свободу личности,— возразил Валентин и, неуклюжий, длинношеий, озабочиваясь лицом, сказал Людмиле:— Сними очки, они тебе мешают.

Она послушно сняла очки, а он, словно бы никого не стесняясь, тщательно вытер ей лоб и щеки, спрятал платок в карман и заговорил хладнокровно, глядя на ветви берез, ломящиеся в распахнутые окна террасы:

— Люся вспомнила о твоем последнем фильме, отец. Я тоже о нем думал. Ты хочешь в наш прагматический век, чтобы люди, бессильные муравьишки, задумались о смысле жизни, о красоте, о душе друг друга. Веришь в свою мысль до конца, отец? Ты всерьез думаешь, что нравственный прогресс сильней технического?

— Ну, начинается собачья философия!— всплеснула руками Таня с возмущением.— Был молчун, а стал болтун невыносимый, спорщик и никому не дает слова сказать! Заговорил всех до потери сознания!

— Таня, не мешай. При чем здесь собачья философия? Я не видел отца долго.

— Никому не дано знать полную правду о себе,— сказал Крымов и встретился с умоляющими глазами Ольги.— Человек только потому человек, что живет среди людей.

Валентин спросил упрямо:

— Но добро или зло заложено в людях?

— Не жди банального восторга: добро и зло. Время безжалостней людей. Представь диалог с самим собою: «Я стал другим?»— «Нет, я остался прежним. Время изменилось — и я стал другим». Время изменяют люди, а людей время.

— Поэтому, отец, я убежден, что духовный прогресс бессилен перед техническим. И все судорожные попытки интеллектуалов внести в двадцатый технологический век нравственную сентиментальность прошлого бессмысленны. Это не цинизм, отец. Человек должен пройти через испытание сытостью и комфортом. Такое совместить с духовностью жизни нельзя. Нужен бензин для машин, и нужно вообще топливо — значит, надо качать нефть из земли, нужно для строительства дерево — значит, необходимо вырубать леса. Пиджак и брюки из духа не сошьешь...

— Твоя смелость, сын,— увидеть голого короля одетым.

— Имеешь в виду технологический прогресс?

— И еще маленькую деталь — смысл человеческой жизни, которую не хотелось бы видеть голым королем.

— Если бы человек был бессмертен, он не думал бы о смысле жизни, отец. А бессмертие ему может дать только технический прогресс, технологизация, а не евангелие нравственности и так называемый дух.

— Ты молод, Валентин. Человеку порой не хватает целой жизни, чтобы понять, что жизнь свою он прожил бессмысленно.

— Парадокс, парадокс.

— Парадокс — одна из форм истины. Очень не хотел бы, Валентин, чтобы ты прожил свою жизнь под знаком техники, которая якобы все решит. Техника и, кстати сказать, твой киноаппарат ничего не решит, если не ты будешь ему служить, а он тебе разумно.

— Отец, я не проживу жизнь бессмысленно.

— Как непонятно... Как нелепо...— растерянно повторила Ольга, и, поймав взгляд Валентина, спросила еле слышно:— Расскажи лучше, Валя, как вы с Людмилой будете жить. На какие средства? Ты не кончил институт, тебе еще учиться два года...

Валентин замкнуто молчал, замолчала и Ольга.

— Я получаю сто сорок рублей, Ольга Евгеньевна,— проговорила внезапно Людмила обиженным голоском.— Потом, я могу шить и на дому. Я сумею заработать гораздо больше. Пока нам хватит. Мы будем жить у моей матери... На троих у нас комната восемнадцать метров. Правда, в общей квартире. Ты ведь не против? Знаю, ты не против.

Она слегка погладила руку Валентина, и слишком согласный его кивок сказал Крымову, что незаметная воля остроносенькой девочки распространялась на сына ощутимой властью, растапливая и подчиняя его упрямство, его способность к постоянному возражению.

— Не рано ли вы решаете свою судьбу?— сказала Ольга с тихим укором.— Ради чего вы так торопитесь? Я умоляю вас, подумайте оба. Валя, ты способный человек, и, наверное, тебе небезразлично будущее.

— Мама, надо жить и настоящим,— возразил Валентин.— Будущее за семью печатями.

— Но печати-то придется срывать тебе, сын,— сказал Крымов.

— Сорву, когда наступит время.

Парная неподвижность воздуха стояла на террасе, окруженной послеобеденным томлением в саду, и однотонно, дремотно звенели две осы вокруг блюдечка с горкой размякшей малины, мокрая от пота сорочка неопрятно прилипала к спине Крымова, и то и дело возникала мысль о дождевой благодати душа, смывающего вялость и какое-то недомогание, которое томило его весь день.

— Прошу меня извинить,— выговорил он наконец и сложил салфетку на столе.— Знаешь, Оля, еще чувствуется дорожная усталость, поэтому мечтаю только о душе и прохладной подушке под головой.

Он виновато поцеловал ее в висок и вышел с облегчением.

После освежающего душа в саду, железисто-дождевого вкуса нагретой солнцем воды, речной тепловатой сырости и влажных решеток дощатой кабинки, после всего этого удовольствия Крымов лежал на тахте в кабинете. Слабое дуновение воздуха входило из сада, где уже спадал зной,— день надломился к вечеру, и здесь, в мансарде, вольно открытой воздуху, он в задумчивом одиночестве слушал таинственный свист иволги за дверью балкона.

— Отец, не спишь? Если я тебя разбудил, то прости. Мы уезжаем...

— Это ты, Валя? За что тебя простить, сын?

— Да нет, я хотел сказать тебе...

И Крымов мгновенно вернулся в реальность из того состояния полуотдыха, когда можно было, как в пустом кинозале, просматривать киноленту сегодняшнего дня, приподнялся на тахте, проговорил будничным голосом:

— Что ты хотел сказать? Говори, Валя, я не спал, и ты меня не разбудил, не извиняйся.

Весь кабинет был заполнен золотисто-медовым дымом предзакатного солнца, янтарно горели стекла книжных полок, тишина плыла из окон, и в этом светлом дыму стоял против тахты Валентин, держа халатик и босоножки Людмилы (видно, пришел за ними), и с некоторым замешательством говорил баском:

— Мы уезжаем, отец, нам пора. Электричка через двадцать минут. Люся тебя стесняется, за вещами послала меня.

«Интересно, было ли у Валентина нечто похожее на то, что однажды я почувствовал в его годы, проснувшись после разведки на сеновале? Я тогда увидел синюю осеннюю звезду над собой и тогда подумал, что где-то в далеком мире меня ждет женщина, которую я буду любить всю жизнь».

— Понятно,— сказал Крымов, разглядывая худое лицо сына, пытаясь найти какие-то черты, похожие на него, молодого Крымова, и попросил:— Сядь на минуту. Что ты мне хотел сказать?

И Валентин не вполне смело присел на край тахты, скомкав халат на коленях, не выпуская босоножки, скосил боящиеся встречаться со взглядом отца глаза в сторону письменного стола, где на полу лежал дымящийся успокоенным золотом солнечный луч, заговорил с заминкой:

— Знаешь, отец, уже известно в нашем институте о твоих неприятностях на студии. В общем, да... И эта трагическая гибель актрисы... Я догадываюсь... я понимаю, что у тебя есть недоброжелатели.— Валентин нахмурился, все не выпуская из одной руки босоножки, а другой без всякой надобности продолжал комкать халат невесты на коленях.— Только бы до мамы слухи и сплетни не дошли...

— Слухи и сплетни? Таня мне сказала, какие слухи дошли до нее. Что имеешь в виду ты?

— Полнейшая чепуха,— сердито сказал Валентин.— Ересь и гнусность в цветной обертке злого мещанского восторга. Обыватели от родимого кино болтают о каком-то твоем особом отношении к погибшей актрисе. Грош цена сенсации. Для меня истина, что ты не донжуан, а любишь мать. Но ей услышать злорадный слушок будет больно.

И Крымов в желтом освещении кабинета увидел вблизи руку сына, большую, неошкуренную неуклюжую, но чем-то до безысходности напоминающую вроде бы приснившуюся другую руку, отца Крымова, когда тот приехал домой в туманное, пропахшее паровозным углем февральское утро, руку, гладящую по плечу счастливую мать, а теперь вот мнущую этот модный нейлоновый халатик, и, пораженный силой дедовских генов, испытывая нечастое любопытство к Валентину, отдалившемуся от всех в доме «скорпионистостью» упрямства, проговорил вполголоса:

— Спасибо, сын. Ты прав. А вот как у тебя? Скажи по-мужски: правильно ли ты сделал выбор? Не расстанетесь ли вы через год, когда ничего общего у вас не будет?

— Разве в этом дело, отец? Ну что ж, я пошел. До свидания, прости, если я...

— Насчет прости — лишнее, сын. Мало кто знает, кто и кого должен прощать... И за что, и почему.

— Я знаю, что господствует случай.

Валентин натянуто закивал отцу, прощаясь (поцеловать не решился), и пошел к двери, как-то угловато, подчиненно неся халатик и босоножки, и узкими плечами, походкой своей, потертыми джинсами, весь родной и чужой, вдруг корябнул жалостью в душе Крымова. «Я не знаю своего родного сына. Да имею ли я право ему советовать?»

И, опять погружаясь в пустой кинозал одиночества, он увидел сверху долину, солнечный туман садов, виноградников, черепичные кры-

ши городка, и дуло весенним теплом из утренней долины, сладковато-легким воздухом... «А это где было? В сорок пятом году в Австрии?»

Потом послышались голоса из сада, и он с преодолением вышел на балкон. Солнце склонялось к закату, за сосны, везде в саду покой, сонная лень, все пахуче, истомлено, смолкли разморенные за день птицы, протянулись тени на траве под яблонями. И в этом летнем, неподвижном затишье перед прохладой и сумерками стоял у калитки, едва видимой в зарослях сирени, Валентин, держа ловкий саквояжик, должно быть, принадлежащий невесте. А она, стройно переступая тонкими ногами, вся выпрямленная, приближалась к нему по дорожке в сопровождении Ольги, слушая ее, и откидывала со щек длинные кофейные волосы.

— Пока, отец! — крикнул Валентин, небрежно помахал своей крупной рукой («Рукой деда»), и тотчас оглянулась Людмила, мигом обрадовалась остроносеньким личиком, тоже помахала в сторону балкона, забыв про Ольгу, взглянувшую на мансарду тревожно.

«Ольга не приняла ее. Она испугана, расстроена решением Валентина»,— подумал Крымов и зачем-то сравнил миниатюрно-игрушечную Людмилу с подтянутой, вышколенной аскетизмом йогов, еще молодой фигурой Ольги, старше невесты в два раза, с ее подчеркнуто аккуратной прической, какую она начала носить в последние годы. И сравнив, почувствовал, как остро вгрызается в душу жалость к Ольге, к Людмиле, к Валентину, что было и несколько минут назад, когда сын уходил из кабинета, жалость, смешанная с любовью, опасением, похожая на тоску, на вину перед ними всеми за то, что никто не знал ни самого себя, ни друг друга.

Крымов видел с балкона: Ольга проводила Валентина с невестой, возвращалась к дому торопливыми шагами, натягивающими юбку, шла, опустив голову, и он позвал, подхваченный порывом сострадания:

— Оля!

И сбежал по лестнице на террасу, куда она всходила из сада, обнял ее, покорно уткнувшуюся ему в плечо как за надежной защитой.

— Оля, здесь мы ничего не можем сделать. Они решат сами, как и мы когда-то.

— Я боюсь оставаться одна, когда ты уезжаешь,— прошептала Ольга и заглянула в глаза бархатной чернотой.— Я боюсь, когда детей нет дома. И мне становится не по себе, когда проходит день и начинает темнеть. Я не хочу, чтобы ты куда-то уезжал...

Он ответил, целуя ее в кончик носа:

— Глупенькая, суеверные люди боятся темноты, потому что у них в крови древняя боязнь ночи. Но ты-то просвещенная женщина.

— Вячеслав, это другое,— возразила Ольга.— Мы живем в каком-то тревожном благополучии. Что-то может произойти.

— Почему ты заговорила о страхе?

— Это больше чем страх. Ужас перед тем, что может случиться.

— Не понимаю.

— Я боюсь.

— Милая Оля... чего?

— Я боюсь всего: неправдоподобной жары, которой не было сто лет, ужасной темноты ночью и тишины в твоем кабинете. Такая жуткая бывает тишина на рассвете. Мы живем в каком-то нехорошем ожидании. У тебя, я знаю, неприятности. И Валентин приводит меня в отчаяние. О боже, чего только о тебе не говорят... И чего только я не передумала. Я боюсь, что все разрушается. И я уже не знаю, любить тебя или не любить,— сказала она с горькой полушуткой и провела пальцем по его губам.— Может быть, между нами все кончилось?

«Нет, лучезарного благополучия не было в нашей общей жизни. Она не верила мне. И был постоянно тлеющий след тревоги».

— Оля, я люблю тебя так, как в сорок шестом,— выговорил он хрипло.— Ты можешь в это поверить?

— С трудом.

— Напрасно, Оля.

Продолжение следует.

Кавалер ордена Красной Звезды разведчик П. М. Гудков.

В атаке кавалерия!

ТАК БЫЛ

Фото
М. САВИНА

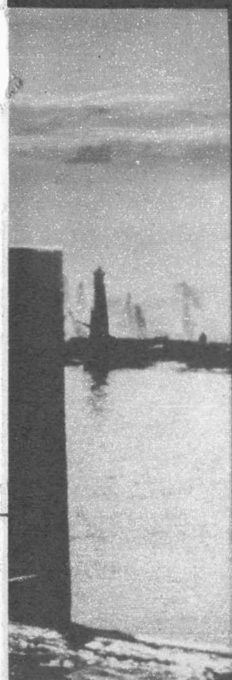
Форсирование Березины.

О НА ВОЙНЕ...

Это все, что осталось от разгромленной фашистской группировки у залива Фриш-Гаф.

С первого дня войны и до последнего шел трудными фронтовыми дорогами с фотоаппаратом в руках М. И. Савин. Его видели под Смоленском и Москвой, Курском и Орлом, в Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии. Военные журналисты, как поется в известной песне, первыми врывались в города. Но первыми среди первых были фотокорреспонденты, которые старались запечатлеть и удирающих или сдающихся в плен гитлеровцев, и освобожденных советских людей, и счастливых победителей — наших солдат.

Газета Западного, а потом 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», в которой М. И. Савин был фотокорреспондентом, на передовую доставлялась наравне с боеприпасами. Там же чаще всего были и сотрудники газеты. Именно поэтому фотографии М. И. Савина стали бесценными документами войны.

Сегодня мы знакомим читателей «Огонька» с неизвестными или малоизвестными снимками Михаила Ивановича Савина, которые он бережно хранил все эти годы. Мы будем рады, если кто-то узнает себя и напишет в редакцию о себе и о своих фронтовых дорогах.

Кавалеристы прославленного корпуса генерала Белова любили своего юного разведчика Володю Трушкина, который еще летом сорок второго был награжден орденом Красной Звезды.

Командир танкового батальона капитан П. Г. Мазурин уже в первых боях уничтожил несколько орудийных расчетов и взял в плен шесть гитлеровских солдат и офицеров.

На дорогах Смоленщины.

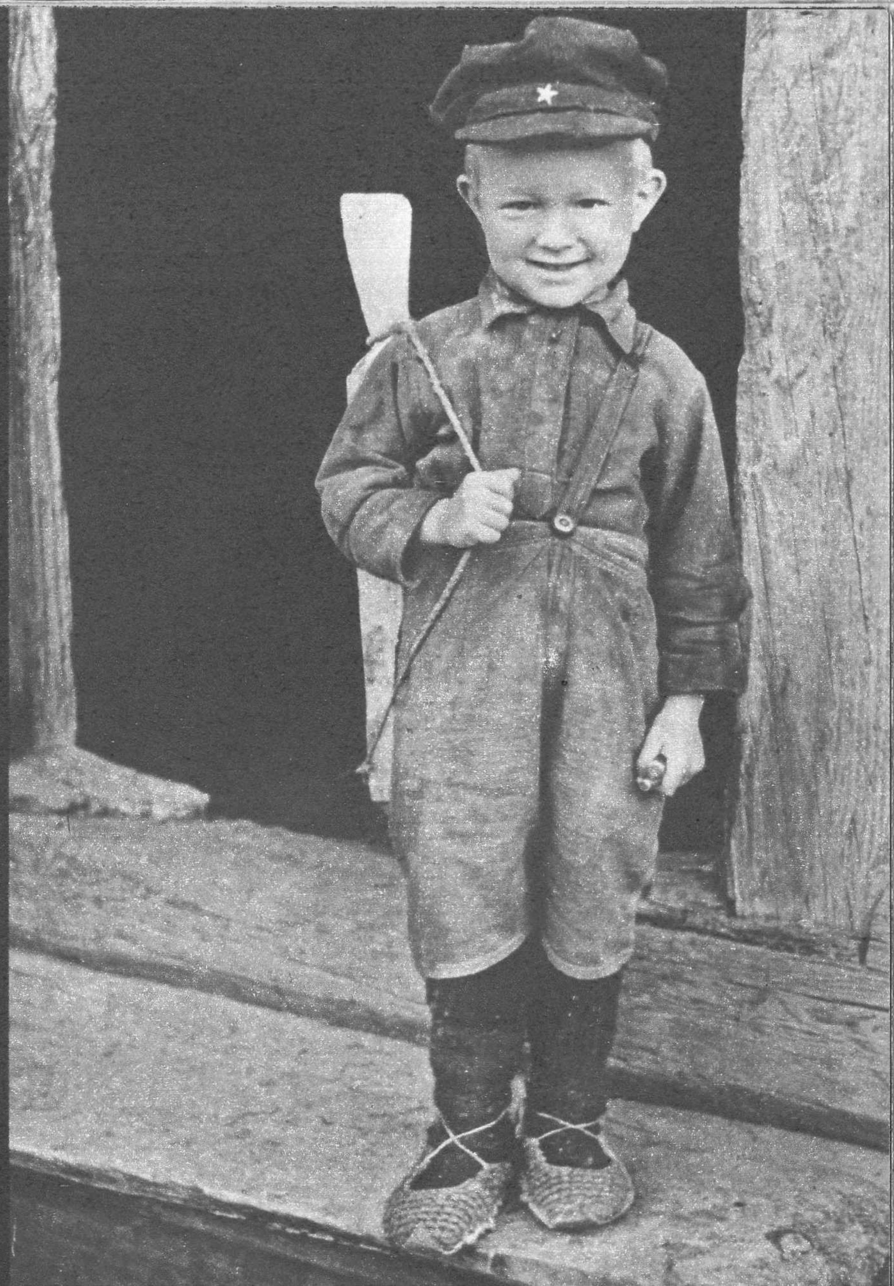

Не один десяток фашистов полегли от пуль известного снайпера Марии Кувшиновой.

Летчик-истребитель Николай Пинчук вернулся в родное село.

«Я тоже буду бить фашистов!»

Возвращение в освобожденный Смоленск.

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Лев КЕРБЕЛЬ,
действительный член Академии художеств СССР,
народный художник СССР

Искусство призвано, писал Карл Маркс, «*очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство,* соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности».

Вдумайтесь сегодня в глубину этой мысли. Ведь в ней раскрыты не только основные направления культуры минувших веков, но и предуганы стержневые пути развития искусства XX века, в котором, как никогда ранее, остро разгорелась борьба гуманного и антигуманного начала, когда формалисты пытались и пытаются доныне разрушить природную, человеческую сущность искусства. Нельзя не заметить, что в этой схватке света и тьмы, добра и зла наше советское искусство с самого рождения заняло свое передовое место в битве за прекрасное, гармоническое начало. И в этом заслуга партии Ленина.

1905. Лондон. Владимир Ильич напутствует молодых делегатов III съезда РСДРП. Они возвращаются на родину через Париж. Ленин в беседе сказал им: «Обязательно посмотрите роденовского «Мыслителя». Казалось, небольшой штрих. Но в нем просматривается вера Ильича в огромную этическую роль изобразительного искусства, в его бесценное свойство обогащать духовный мир человека. Когда начинаешь осмысливать этот эпизод, то яснее возникают грандиозные контуры грядущего ленинского плана «монументальной пропаганды», призванной воспитывать людей новой эры. Трудно охватить то значение, которое приобрел известный декрет от 12 апреля 1918 года для становления советской культуры. План «монументальной пропаганды» всколыхнул мастеров, помог каждому раскрыть свои силы и возможности. Он неизмеримо поднял роль ваятеля в жизни молодой державы. Конечно, в то суровое и тяжкое время, когда бушевала гражданская война, свирепствовала разруха, страну душил голод, нельзя было думать о фундаментальных произведениях в материале. Но даже то начало, которое было положено, сыграло значительную роль, как бы разбудило художественные силы не только в Москве и Петрограде, но и по всей республике.

Мне посчастливилось в юности, в молодые годы быть близко знакомым, учиться мастерству у корифеев нашей скульптуры Шадра, Меркурова, Мухиной, Шервуда, Матвеева, Томского. Могу сказать, что их всех отличали, притом, что они были очень разные по пластике ваятели, прежде всего какая-то восторженная приподнятость духа, ощущение героики эпохи и, конечно, абсолютное реалистическое видение мира. Это были люди открытого сердца, любящие свою Родину, народ — строитель грядущего.

В человеческой судьбе много таинственного. Иногда, казалось, случайные факты потом складывались в логический ряд... Ныне с каждым годом мне все более близко и понятно становится творчество мастеров Ренессанса, художников-итальянцев Донателло, Микеланджело... А ведь я познакомился с репродукциями их работ в библиотеке Академии художеств в Ленинграде. Эти ваятели эпохи Ренессанса потрясли меня, совсем еще несмышленого провинциала, своей пластикой, великолепной формой. Гуманность отличала их творения. Я никогда ранее не видел эти произведения. Ведь я мечтал быть биологом, увлекался наукой. Знакомство с художником Ватагиным в Антропологическом музее повернуло мою судьбу и пробудило во мне желание выражать свои мысли в скульптуре. И я твердо решил учиться этому делу. Так 1935 год стал переломным в моей биографии.

Большую роль в освоении моей профессии сыграл Сергей Дмитриевич Меркуров. Это был могучий, красивый мужчина. Черная ассирийская борода, тюбетейка, простой ватник — все в нем было неожиданно. Внешне грубоватый, он был сердечный, добрый человек. Широкая, размашистая походка, зычный голос. Мне довелось тогда неделю жить у него в студии. Меркуров дал копировать посмертную маску Маяковского... Долго, внимательно оглядывал копию... и написал Надежде Константиновне Крупской в Наркомпрос: «Товарищ Кербель Лев Ефимович одаренный человек, и при систематически правильно поставленной работе из него может выработаться хороший скульптор»...

После, уже студентом, в предвоенные годы я работал вместе с другими помощниками Меркурова на ВСХВ. Лепили колоссальный рельеф для павильона механизации. Меркуров был прирожденный монументалист. Именно у него я ближе увидел, как делается скульптура от маленького эскиза до перевода в величину сооружения, вплоть до осуществления замысла в материале — граните, мраморе, бронзе. Узнал, как строятся каркасы, отливаются формы из гипса, льется бронза. Как из глыбы камня возникает образ.

Меркуров не раз напоминал нам слова изумительного скульптора античности Фидия: «Нет форм совершеннее человеческих, потому мы придали своим богам человеческую форму».

Но не только о классике рассказывал нам Меркуров.

— Мы современники эпохи, когда решаются судьбы мира, когда каждый из нас твердо и четко должен поставить перед собой вопрос и честно ответить себе, партии, Отечеству, а следовательно, и будущим поколениям, где его место и что он делает для торжества правого дела. Каждому необходимо осознать свое место в общей работе как гражданина и художника. На нашу Родину история возложила великую и почетную историческую задачу — быть первой в борьбе за построение светлого здания коммунизма. Будущие поколения будут судить о наших титанических временах не только по свидетельствам и архивам, но и по музыке, песням, живописи и скульптуре. Не от каждого требуются великие дела, но хорошо сделанные малые дела, слившись в единый хор, дают великие дела. Ибо великое может отразиться в малом, как звездное небо — в глазу человека.

Думается, что эти слова звучат ныне весьма современно.

1939 год. Московский государственный художественный институт. Мастерская профессора Л. В. Шервуда.

Вдруг белая высокая дверь широко распахнулась и к нам в студию быстро вошел, будто вкатился, маленький розовилий Игорь Грабарь. За ним степенно шагал высокий, статный Иван Дмитриевич Шадр.

Шадр был личность неординарная. Для нас он был живой легендой. Один из корифеев отечественной скульптуры. Впрочем, и сам Грабарь был символом хранителя лучших традиций русской культуры и искусства. Ныне вспоминаешь о тех далеких днях с чувством особенной благодарности и признательности.

В мастерской звучал прекрасный, артистичный, хорошо поставленный баритон Шадра. Он как-то по-своему, волшебно раскрывал перед нами красоту натуры.

— Посмотрите, как похожа модель на стройную березку, украшенную кудрявой кроной-головой. Взгляните, как вздымается грудная клетка. Как красиво обозначены мышцы, формы, похожие на зрелые плоды.

У иного, может быть, все это звучало бы по-другому. Но Шадр обладал неотразимым обаянием, простотой в сочетании с поэтичностью. Его природный «шаляпинский» артистизм чаровал.

Иван Дмитриевич приглашал меня домой. Поил чаем. Ласково звал Левушкой. В то время он работал над проектами памятника Пушкину и Горькому. И вот сердечно делился своими планами и мечтами... со мною, молодым парнем-студентом. В этом был Шадр!

Он боготворил старых мастеров и Родена. Вот некоторые из его высказываний об искусстве, которые я всегда перечитываю:

«Будь правдивым! — требовал Огюст Роден. — Это не значит — будь до плоскости точным. Есть неизменная точность — точность фотографии и муляжа. Искусство начинается лишь там, где есть внутренняя правда... Выполняйте ваш труд, как честные рабочие... Положим, в оценке обывателя величайшими всегда будут фигляры, выделяющие

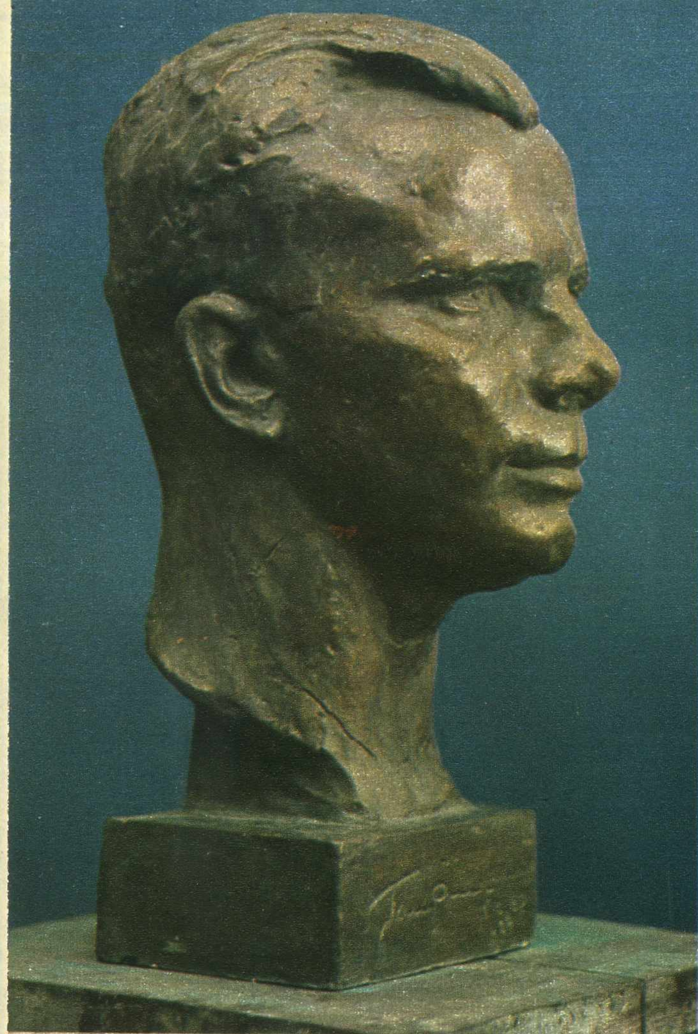
1. Рабочая модель памятника Владимиру Ильичу Ленину. Он будет установлен на Октябрьской площади в Москве. Авторская группа под руководством народного художника СССР Л. Кербеля: скульптор В. Федоров, архитекторы Г. Макаревич, А. Самсонов.

На развороте вкладки:
Л. КЕРБЕЛЬ.
2. Герой Советского Союза, первый летчик-космонавт СССР Ю. А. Гагарин. 3. Герой Социалистического Труда колхозница К. П. Мухтарова. 4. Дважды Герой Советского Союза В. С. Петров. 5. Герой Советского Союза летчик Н. А. Бокий. 6. Памятник Карлу Марксу в Москве. 7. Актриса Элина Быстрицкая. 8. Скульптор Джакомо Манцу. 9. Трудовые резервы.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

1

2

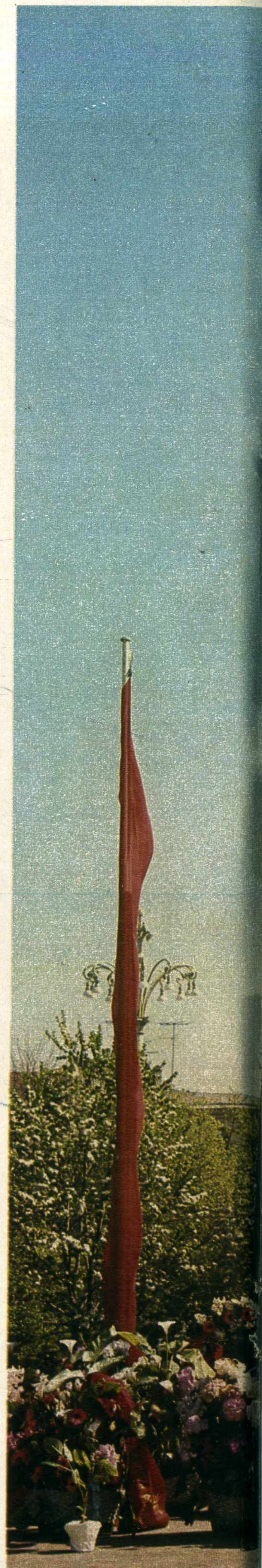
3

4

5

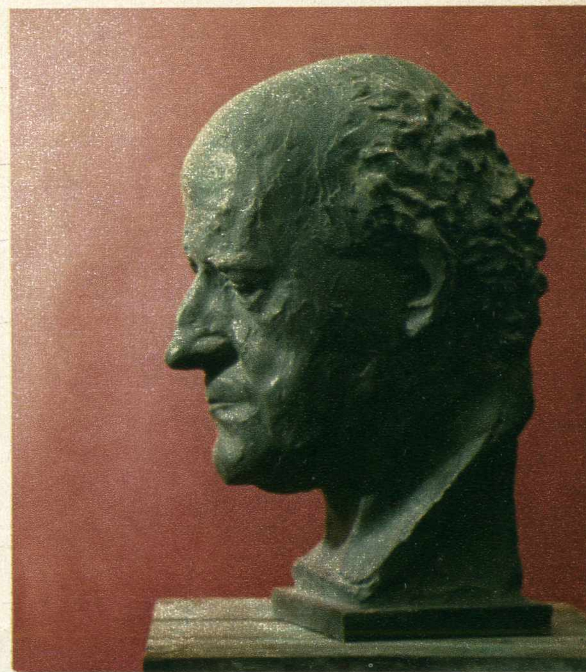

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

6

7

8

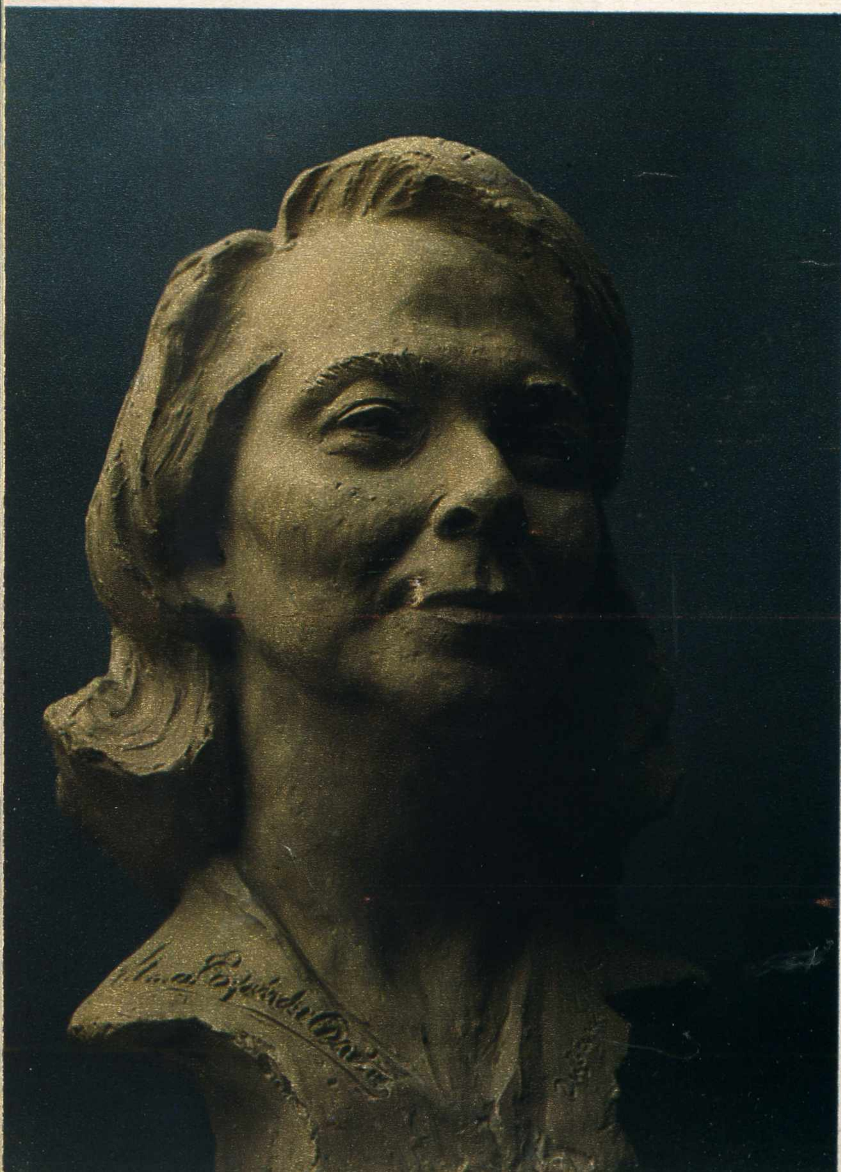
9

МЕДИКАМ-ГЕРОЯМ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945

10

11

12

затейливые выкрутасы карандашом и умопомрачительные фейерверки краской... А между тем самое трудное... и самое высокое... это рисовать и писать просто...»

— В твои годы,— усмехнулся Шадр,— я приехал в Париж. Пришел к Родену. Попросил маэстро указать мне тему. Мечтал сделать под его руководством большую композицию.

Роден улыбнулся. «Вылепи руку»,— коротко сказал он.

— У меня на работу,— рассказывал Шадр,— ушло два часа. Я был горд, что сделал все так быстро. Но мое ликование было недолгим. Пришел Роден и назвал мою модель руки «мешком с овсом». Пришлось делать все снова. Возился два месяца. Тогда Роден взглянул и одобрил. Прошу снова: «Дайте, пожалуйста, тему для композиции». А он отвечает: «Я учу лишь лепке. Скульптуру будете делать у себя в России. Если у вас есть нечто здесь»,— и указал на сердце...

...Может быть, кому-нибудь из нынешних скульпторов рассказ Шадра о встрече с Роденом покажется непоучительным. Но мастерство, а если хотите и ремесло ваятеля, его способность создать произведение, совершенное по форме, требуют полной отдачи всех сил, преданности, даже подвига... Это, казалось, истина азбучная, но, к сожалению, порою забытая иными нашими скульпторами. Чтобы убедиться в этом, взгляните, сколько рук, напоминающих «мешок с овсом», можно встретить на некоторых памятниках. А сколько странно похожих, огрубленных, обрубленных лиц и фигур на некоторых изваяниях.

«...Рафаэль, Рубенс... Веласкес, Микеланджело... Это были гиганты идеи, великие мастера кисти, богатыри духа, которые воплотили в своих произведениях историю своего века и были подлинными сыновьями своей родины.

Падем ниц и перед другими великими мастерами, как Репин, Валентин Серов, Васнецов... Они создали многое, так много трудились. Но их единицы.

А выставок — море, полотен — целые горы, художников — несть им числа».

Учеба в институте, встречи с большими художниками, беседы с интересными людьми... Золотая пора молодости.

В конце тридцатых годов нам с моим однокурсником Владимиром Цигалем поручили ответственное и уникальное задание.

Антонио Грамши, вождь итальянских коммунистов, один из организаторов партии, много лет провел в фашистской тюрьме. Где и погиб. Друзьям удалось тайно снять маску с лица и руки Антонио. Потом по частям, раздельно, товарищи покойного переправили эти разрозненные слепки в Советский Союз.

Мы увидели небольшой пакет, в котором были сохранены гипсовые кусочки отлитой формы. Они были размером то с ноготь, то со спичечный коробок. Надо было собрать и восстановить маску и слепок руки Грамши. Долго, упорно мы трудились над этой тяжелой задачей. Но все же выполнили. Бронзовую маску лица и руки довелось передать семье Антонио Грамши. Там, в доме, меня познакомили с товарищем Эрколи — скромным и обаятельным человеком.

В ту пору я заболел. Эрколи вдруг появился у нас в общежитии института и привез мне корзиночку с апельсинами и лимонами. Я был тронут до глубины души таким вниманием. Благодарил. Он мягко улыбнулся.

Прошло около четверти века...

В Москве, на площади Свердлова, происходило торжественное открытие памятника Карлу Марксу, и я увидел в группе на трибуне очень знакомое, но неизвестное мне лицо. Я спросил, кто это. «Тольятти»,— ответили мне. Началось возложение венков. Потом меня представляли как автора.

И когда меня знакомили с Пальмиро Тольятти, он улыбнулся и сказал: «Мы знакомы».

Вмиг я узнал улыбку Эрколи и вспомнил все.

Прошло всего два года, а учеба в институте, мирная жизнь, само искусство показались чем-то бесконечно далеким.

Началась Великая Отечественная война.

Северный флот. В аспидной тьме полярной ночи вспыхивают колючие силуэты сопок. Грохот бомбежки. Высверки трассирующих снарядов зениток.

— Хочу участвовать в боевых походах,— жаловался я командованию,— а меня заткнули куда-то рисовать плакаты.

— От таких необученных матросов, как вы,— ответил адмирал Головко,— пользы было бы мало. У вас в руках сильное оружие — резец скульптора. Кончится война, народ захочет увидеть своих воинов такими, какими они были в боях...

Но наконец адмирал внял моим просьбам с условием, что, вернувшись, начну работать скульптурные портреты героев-североморцев.

Только в боевом походе я понял, какая нелегкая служба у матроса. Не столько опасен был враг, сколь страшны дикие штормы, сизые валы, набегавшие на палубу, снежные заполярные заряды, ледяная стужа. В этих экстремальных условиях мы провожали и встречали караваны союзников, ограждая их от вражеских торпед, фашистских подлодок и штурмовиков. Наши эсминцы ставили минные заграждения в горловине Белого моря. Эти два похода на «Разумном» и «Гремящем» в бурных водах Баренцева и Гренландского морей сблизили меня с моряками. Я понял, что такое матросский характер: быстрота действий, четкое выполнение приказа, беззаветная любовь к Родине, ненависть к врагу.

После походов получил предписание прибыть в знаменитый Сафоновский полк. Командиром был 21-летний летчик Петр Сгибнев. Комиссаром — ныне здравствующий Филипп Проняков.

Утром вдруг раздался звонок от командующего. Катер срочно доставил меня в штаб. Адмирал Головко сказал, что завтра тяжелый бомбардировщик (ТБ-3) летит в Москву за медикаментами. А обратно может взять тонну глины и тонну драгоценного в ту пору гипса. В заброшенном дворе эвакуированного института я раскопал скульптурную глину, а великая Вера Игнатьевна Мухина с помощью академика-хирурга Бурденко помогла достать бесценное сокровище — тонну гипса. Через двое суток в пургу самолет приземлился недалеко от Мурманска. Летчики Сафоновского полка на санях доставили этот груз в полуразрушенный барак в Нижней Ваенге, где должна была быть мастерская. Вскоре я оборудовал небольшую комнатку метров в восемь, поставил койку, в пустой железной бочке развел глину, расставил мешки с гипсом. Повесил на стене лозунг: «В сутках 24 часа. Торопись!»

...В первые дни войны летчик гвардии капитан Захар Сорокин таранил нацистский самолет и был вынужден приземлиться на вражеской территории. После рукопашного боя с фашистами, которые изуродовали лицо, выбили зубы, ему все же удалось уйти. Он долго полз через замерзшее озеро, заиндевелый лес и отморозил себе ноги. В госпитале, куда добрался чудом, ему ампутировали обе стопы... С большим трудом уговорил Сорокин командование разрешить ему летать. И в первом бою он сбил «фокке-вульф». До конца войны уничтожил более десяти вражеских самолетов. Герой Советского Союза, кавалер многих орденов, он был награжден и английским боевым крестом. Портрет Захара Сорокина был мой первый бюст с натуры. До последних лет мы крепко дружили с ним.

Невероятная будничность подвига заставляла забывать обо всем: жестокой усталости, бессоннице, сведенных от стужи пальцах. Главное — пытаться отобразить людей-героев, вершивших тогда историю Европы, а пожалуй, всей земли.

Николай Бокий. Летчик-истребитель, Герой Советского Союза. По словам Веры Мухиной, «в нем как в капле воды отразилась вся война». А ведь он вылеплен за сорок пять минут. По тревоге Бокий был вызван на боевой вылет. Взгляните на его лицо. Суровое, сдержанное. Сдвинуты брови. Сомкнуты губы. Строгий взгляд. Он уже живет сражением с нацистскими стервятниками, этот молодой человек, один из тех, кто спас Родину.

Многочисленные портреты воинов-североморцев — начало моей творческой биографии. Этих людей я хорошо знал в жизни, видел в трудные и ответственные минуты, знал, как они ведут себя в критических ситуациях. Это обостряло, делало верным и точным ощущение скульптора. Кажется, что не взгляд на натуру, а само сердце водит твоими руками.

Прошло сорок с лишним лет. Трудно передать, как поразительно изменились и города нашего Севера, и боевая техника, и люди флота. Но у североморцев, как и у всего нашего народа, неизменным осталось отношение к искусству. Оно им нужно, оно любимо ими... Портреты летчиков Сафонова и Бокия, подводников Колышкина и Гаджиева; портрет Сгибнева, сделанный накануне последнего его воздушного боя; Лунина, который торпедировал «Тирпица»; портреты многих других... Увидеть их теперь в Музее Северного флота — значило заново пережить и сердечные встречи, и горечь утрат, и счастливое сознание, что ты был нужен на боевых кораблях, на аэродромах. Ныне, вероятно, оказалось бы больше времени, техники, умения, чем было тогда, когда матросы устанавливали первый памятник моей работы. Но тут вспоминаешь людей, решивших тогда же, под бомбежками, заложить вокруг памятника первый в Заполярье сквер,— матросов, которые в мешках, форменках и даже бескозырках перетаскивали землю сюда, на голую скалу... Теперь тут разросся сквер, видны следы забот сегодняшнего поколения. Значит, памятник нужен людям!

Вспоминаешь слова Ивана Шадра: «Скульптура должна не экспонироваться — жить!»

Весною 1945 года Военный совет Первого Белорусского фронта просил откомандировать меня в их распоряжение. Предстояли проектировка и исполнение монументов, посвященных штурму Берлина и Зееловских высот. На эту работу я пригласил своего друга Владимира Цигаля, который в то время находился на Черноморском флоте.

Нам посчастливилось дважды встретиться с маршалом Жуковым — военным гением той битвы. Мы шли на встречу в приподнятом настроении. Непоколебимый авторитет маршала завораживал всех.

В Бабельсберге, близ Берлина, мы не без трепета вошли в большой кабинет. Нам навстречу поднялся невысокий, но крепкий, плотный человек. Поражала чеканная лепка его лица. Волевые черты. Высокий лоб. Твердая линия рта. Тяжелый, массивный подбородок.

Жуков тепло принял нас. Четко, коротко объяснил задачу. Потребовал, чтобы монумент в Берлине был открыт к празднику — 7 ноября. Памятник у Зееловских высот — к 27 ноября.

Выполнить этот приказ было крайне трудно. Работали в Западной зоне Берлина. В уцелевшем крыле разрушенного от бомбежек и артобстрелов здания немецкой Академии искусств. В помощь нам была дана рота солдат и несколько немцев-специалистов — литейщиков и форматоров.

Ныне вспоминаю, как тогда, после первой встречи с Жуковым, я, уходя, уже на улице перевязал свою правую руку носовым платком. И когда приехали в часть, то сказал товарищам: «Вот эта длань здоровалась с самим маршалом Жуковым». Ребята трясли мне руку, улыбались. Это была незабываемая пора.

Монументы были открыты в срок. Конечно, если бы не немыслимо сжатое время, они могли быть значительнее. Но тогда, когда в памяти ярко колыхался красный флаг над рейхстагом, когда еще звучали марши Великой Победы, они, наверно, послужили святому делу памяти героев.

...Когда в январе 1946 года я вернулся в Москву, трудно описать радость встречи с любимым городом, друзьями, институтом. Снова начиналась мирная жизнь.

Однажды, проходя мимо зала Чайковского, где рядом возводился новый дом, я увидел на лесах мальчишку. Веселого и шустрого. В рабочем фартуке, ватнике, в ушанке с задорно торчавшим вверх ухом,

Л. КЕРБЕЛЬ.
10. Памятник «Медикам — героям Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» в Москве, на территории Первого медицинского института имени И. М. Сеченова.
Фото А. МАРКОВА.
11. Председатель женского комитета Кубы Вильма Эспин.
12. Греческий поэт Янис Рицос.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

он с гордостью подавал кирпичи старшему, но тоже мальчугану. В то время мужчины были кто еще в армии, кто в госпиталях, на срочных восстановительных работах, на заводах. Мне вдруг захотелось создать образ этого симпатичного подростка, который с такой гордостью кладет свой первый кирпич в стройку будущего. В то время уже существовали трудовые резервы, и я так и назвал эту скульптуру. В 1947 году Вера Мухина, Сергей Меркуров, Сергей Герасимов высоко оценили эту работу. Она и портреты североморцев стали моим дипломом, который я защитил в 1948 году.

Так логически сомкнулись темы войны и мира.

В конце пятидесятых годов мне довелось участвовать в работе бригады под руководством замечательного скульптора Николая Васильевича Томского. Я очень многим обязан этому мастеру. Коренной новгородец, сын кузнеца, Томский сам походил на добродушного, кряжистого мастерового.

«Ленин — основатель Советского государства» — называлась серия рельефов, над которыми предстояло работать. И, несмотря на уже довольно значительный опыт, обретенный с годами, я получил новый заряд школы. Николай Васильевич обладал очень редким качеством — умением свободно решать многофигурные композиции. Работать рядом с ним было крайне полезно. Он учил нас трудному умению преодолевать неудачи.

— Молодые художники должны знать: не все в искусстве гладко — путь художника не всегда устлан розами. Не все, что создано, получает жизнь в мраморе и бронзе. Очень немногое выходит на площади городов. На каждый сооруженный монумент в студии наберется несколько неосуществленных проектов. Много их и у меня. В этом есть суровая правда. Не все, что мы создаем, на самом деле превосходно. С возрастом это начинаешь остро понимать. В творчестве неудачи естественны. И они не должны повергать художника в уныние и отчаяние, восприниматься как непоправимая трагедия. Напротив, неуспех должен мобилизовать силу воли, упорство. На каждую неудачу, что бы ни было ее причиной, нужно отвечать новой работой.

Вспоминаю его небольшую мастерскую в маленьком домике на улице имени Алексея Толстого. Слышу его негромкий, неспешный говор. Он без конца курил. Одну папиросу за другой.

— Задача ваятеля,— не раз произносил Томский,— передать в живых, непосредственных движениях человеческие фигуры, органически сочетать требования реализма и монументальности. Античная пластика дает нам гениальные примеры такого слияния. Достаточно вспомнить фризы, метопы и фронтоны Парфенона. Я должен подчеркнуть прежде всего наш глубокий, всевозрастающий интерес к классической пластике, к мастерам античного мира и Возрождения, к замечательным ваятелям XVII—XVIII столетий, к скульпторам Фальконе, Мартосу, Козловскому, к реалистам XIX—XX веков.

Наша Отчизна вступила ныне в этап развитого социализма. Это огромное завоевание советского народа. Мы находимся в начале гигантского движения. И от всех нас зависит, как успешно, как скоро будут преодолены трудности, сложности в поистине эпохальном процессе. Партия, народ оказывают работникам культуры и искусства высокое доверие.

Константин Устинович Черненко сказал: «...Непосредственно участвовать в строительстве новой жизни, быть строгим судьей всего косного, отжившего, утверждать своим искусством подлинный гуманизм, высокие идеалы социализма».

Это ли не право! Но оно требует напряжения духовных сил, настоящего творческого подъема. Надо создать яркие, глубокие по содержанию произведения, чтобы отразить в них колоссальные перемены, происшедшие в нашей стране после Великого Октября.

Ленин назвал эти глобальные перемены изменением обычного исторического порядка. Но какую грандиозную панораму превращения отсталой Руси в передовую, могучую индустриальную державу мира может увидеть истинный художник в этих ленинских словах!

Ленин — самый дорогой, самый близкий нам человек. С юности пытаюсь постичь этот титанический образ философа и революционера, отразить его в скульптурах.

Я ровесник Октября. На моих глазах проходили стройки первых пятилеток. Был участником событий Великой Отечественной войны и резцом сделал все, что мог, дабы запечатлеть последующие этапы жизни Родины. Благодарен ваянию и предан этому искусству, потому что оно дает возможность выразить любовь к людям, к героям нашего времени, к моей стране. Стараюсь делать это правдиво и доходчиво, выразительно, хотя, конечно, получается это не всегда. Успех приходит в том случае, когда хорошо знаком с изображаемыми, видел их в труде или в бою, постигаешь их характер.

Отношение художника к своему герою во многом определяет удачу труда. В этом я убедился, работая над портретами наших космонавтов. Мне посчастливилось близко познакомиться с ними.

Я вылепил несколько портретов Юрия Гагарина, потому что я знал и любил этого человека, дружил с ним почти двенадцать лет. Всегда передо мною лучезарная улыбка Гагарина, его соколиные, острые голубые глаза. Он мог быть серьезным, отвечать искрометно на любые вопросы. Был предельно деликатен, но чуток и тверд к любому проявлению фальши.

Вспоминается эпизод. В Ялте иностранная журналистка задала Юрию Алексеевичу, как ей показалось, каверзный вопрос: «Какое у вас образование?»

Гагарин молниеносно, с только ему присущей светоносной улыбкой произнес: «В конце концов неважно, какое образование, было бы высшее соображение».

Гагарин был очень отзывчивый, веселый человек, с тонким чувством прекрасного. И мне он представляется символом современного советского человека, олицетворением того лучшего, что есть в нашем народе. Мне кажется, что в Гагарине воплотилась и выразилась наша эпоха, послевоенные годы истории моей Отчизны с ее всегдашней устремленностью вперед, к новому подъему.

Венеция. Одна из международных выставок Биеннале. У входа в главный павильон почти в три этажа уродливое металлическое сооружение, напоминающее косую стремянку, на которой почти на каждой ступеньке навешаны грязные ведра. На табличке подпись: «Фуга». Бедный Иоганн Себастьян Бах! — подумалось вдруг.

Это было дико и нелепо, особенно потому, что громоздкая конструкция была установлена на изумрудном газоне, рядом с клумбами живых цветов. Над подобием «скульптуры» сияло серебристо-голубое небо. Контраст, ошеломляющий своей бессмыслицей.

Еще большие сюрпризы ожидали группу советских художников (среди которых были Пластов, Кукрыниксы, Ромадин, Коржев и другие) в интерьерах экспозиции. В абсолютно безлюдных залах, где восседали лишь дежурные хранители, на стенах висели холсты. То замазанные черной краской с прилепленными окурками или пустыми мятыми консервными банками, то листы прожженной фанеры, то просто обыкновенные рогожи. Все это было обрамлено и имело гордые названия: «Истина», «Высокая материя», «Отменный образ», «Организм», «Мираж», «Новация»... Посреди помещений торчали старые, подобранные на свалке ржавые моторы и станки с вмонтированными водопроводными трубами, грубо покрашенные. Они производили глупейшее и никчемное впечатление.

Первую международную премию на выставке получило «творение» художника Чедвига «Внутренний глаз»... Колючий железный каркас, напоминающий скелет чудовищной рыбы, с вделанным в центре большим осколком зеленого стекла (который рекомендовалось поворачивать руками зрителей). Абсурд, абсурд.

Все эти убогие опусы игнорировались зрителем.

Справедливости ради надо сказать, что на Биеннале были и талантливые работы таких великолепных мастеров, как Джакомо Манцу, Мессина, Корнелиу Баба.

Наш советский павильон был полон посетителей. Станковые картины, реалистические скульптуры, эстампы, декоративное искусство рассказывали о жизни Страны Советов. Я обратил внимание: у скульптуры Веры Мухиной «Партизанка» стояли двое пожилых, уже седеющих итальянцев. Они долго-долго вглядывались во вдохновенные черты смелой и гордой девушки. Когда они отошли, я увидел у постамента букет белых и красных гвоздик. Я не знаю, кто были эти люди. Может быть, участники Сопротивления, антифашисты, боровшиеся с гитлеризмом, может быть, соратники Федора Полетаева — русского воина, погибшего на земле Италии и ставшего народным героем... Но живые цветы говорили о многом...

...А ведь совсем рядом с абстракционистическими вывертами и модернистическими модными фокусами блистала своей нетленной красотой Венеция. Памятники ваяния, зодчества — чудесные и вечные. Полотна Тициана, Веронезе, Тинторетто, Тьеполо — ими были переполнены дворцы, храмы, залы музеев. Казалось немыслимым, как могли существовать рядом красота и уродство, куда исчез Человек в бредовом хаосе формализма.

Однажды Сергей Герасимов точно ответил на этот вопрос: «Абстракционизм обнаружил пустое моральное содержание, сугубо эгоистический потенциал своих художников — людей, заблудившихся в действительности сложной истории века. Однако причина болезни не только в абстрактности форм. Аморальное содержание может выражаться и в сюрреалистических, и сугубо натуралистических формах. Но в любом случае оно приводит к разрушению искусства, ибо аморальность и искусство несовместимы».

Вечное и преходящее. Эта задача всегда волновала поэтов и художников. Ведь каждому в глубине души мечталось оставить след в искусстве. Но самое парадоксальное заключалось в том, что лавры истинной, непреходящей славы доставались тем мастерам, которые жили думами и страстями своей эпохи, а не были соискателями модного успеха, лишь озабоченными своей персоной и «личностным» творчеством, как бы отказываясь от забот, радостей и тревог своего времени. Может, они и получали первые призы за произведения вроде «Внутреннего глаза» или иных «новаций». Но ведь это были по большому счету лишь пустяковые мгновения.

...Бойкие корреспонденты окружили «Партизанку» Веры Мухиной. Фотографировали цветы у подножия скульптуры. Сверкнули блицы. И в этих ярких вспышках я в тот же миг вдруг увидел полярную ночь, огненные трассы зениток, пылающий Мурманск, отважные, почти чеканные лица североморцев...

На этой выставке Биеннале в советской экспозиции был представлен портрет дважды Героя Советского Союза Василия Петрова моей работы. Этот человек потерял в бою обе руки. Ведь именно он, как и миллионы других советских воинов, спас Европу, планету от фашистского ярма. И во многом поэтому сегодня над Венецией чистое, лазурное небо, улыбаются дети, царит мир.

Бывают дни, которые приносят счастливую усталость. В такие дни напряженная, нелегкая работа как бы освещена изнутри, и если видишь, что итог стоил усилий, то даже предельное утомление становится каким-то светлым.

Как-то одна из посетительниц мастерской, глядя на портреты рабочих, колхозников, воинов, космонавтов, спросила: «А что вы делаете для себя, так сказать, для души?» Меня удивил такой вопрос. Все, все, что я делаю, я делаю по велению сердца.

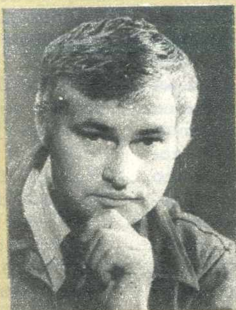
Редкое трепетное чувство испытываю, работая с молодежью. Ведь я преподаю в том же институте, где учился сам. Ныне он носит имя великого русского художника Василия Сурикова.

Вглядываясь в пытливые, восторженные глаза юных ваятелей, видя, как они изучают натуру, как любят истинное большое искусство, будто молодею сам, вспоминая далекие годы.

Наша смена ищет новые решения, новые формы пластического слова, но лучшие из молодых мастеров, уже создавших интересные, талантливые работы, опираются на традиции мировой и отечественной классики. Это обнадеживает, ибо продолжается эстафета прекрасного, восходящая к шедеврам античности, Ренессанса, русских классиков скульптуры.

Верю, крепкие, надежные руки приняли от старших товарищей завет беречь традиции реализма в искусстве. У молодежи впереди будущее. Ведь им творить уже в XXI веке. Увидеть новые светлые горизонты...

Альберт КРАВЦОВ

РАБОТА

•

Родной простор, и высота,
и глубина всего земного,
и жар осеннего листа,
как чудо найденного слова...
Во мне славянских предков стать
и зоркость есть, чтоб даль постигнуть,
чтоб перед нею не поникнуть,
а в полный рост над жизнью встать.
Так разгорайся веселей,
меня твой вихрь воспламеняет —
душа движенье начинает
от огнища души твоей!
И не прошу — остановись,
и кажется, мне все по силам,
опять огонь бежит по жилам,
и пламя озаряет жизнь!

•

Какие звонкие капели,
какое солнце над землей!
Как звонко вытянулись ели
в полуденный весенний зной.
Как мягко светятся березы —
меж ними дымка залегла.
Шиповника шипы-занозы
в чешуйках талого стекла.
Сугробы оседают глухо,
крупитчат снег и ноздреват.
Прислушайся — уловит ухо,
как соки под корой шуршат.
И позовут к себе — работа,
капели, солнце, синий свет...
Забытое припомнишь что-то,
чему теперь названья нет.

ХОЗЯИН

Анатолий Николаевич Фролов
и спокоен, и не тратит лишних слов.

Целый день, как будто белка в колесе,
И к начальнику спешат с делами все.

И на трассе — самосвалы, трактора
в сон Фролова прорываются с утра.

Он подскочит, ошарашенный со сна.
— Ты поспал бы,— говорит ему жена.

— Мехколонна подоспела, побегу...
И выходит он, торя тропу в снегу.

День в Улькане, как секунда,
промелькнет,
прилетит в Улькан три раза вертолет.

Он доставит грузы, почту на Улькан,
люди выполнят дневной текущий план...

День рабочий завершается — Фролов
отпустил домой прорабов, мастеров.

И почувствовал, что выдохся, устал...
Взял гитару он и что-то заиграл.

Вновь над грифом шевелюрою навис —
виртуозно пальцы вверх и пальцы вниз...

Быть хозяином Улькана в тридцать лет
нелегко тебе, певец, артист, поэт!

...Не прошло и двадцати пяти минут:
«Анатолий Николаевич, зовут!..»

Молодые! Золотые два кольца:
двери настежь — пляшет свадьба
у крыльца...

ВАХТОВЫЙ АВТОБУС

Мы отъезжаем в том «Икарусе»,
который подан в семь часов.
Огни погашены в автобусе,
затихли звуки голосов.
Уснули сменные нефтяники
на полтора часа пути:
вышкомонтажники, механики...
Хотя дорога — не ахти!
Перемело ее заносами,
качает нас, как на волнах.
Хрустят сугробы под колесами,
и фары рыскают впотьмах.
Под пеленою снега плотного
искрятся звезды буровых.
За стеклами оконца потного
вдоль трассы нынче много их.
Проснулась тундра черно-белая,
и мы берем в ней нефть и газ.
Работа, долгая, умелая,—
о ней и мой сегодня сказ.
...Сна полтора часа, нефтяники:
геологи, бурмастера,
вышкомонтажники, механики!
И снег. И семь часов утра.
Земля — под стеганою ватою,
и мил автобусный маршрут,
и сладок сон ваш перед вахтою
про новый, будущий Сургут.

«ПРОИСШЕСТВИЕ В ПОЕЗДЕ»

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«...Горько мне, потомственной железнодорожнице, читать о безобразиях, которые творятся в Херсонском отделении Одесской железной дороги. За всю долгую трудовую жизнь на транспорте (отец, муж, сын, сестра — все тоже железнодорожники!) я не помню ничего подобного случаю, описанному в статье «Происшествие в поезде»! («Огонек» № 12 за 1984 год)»,— пишет нам из Джанкоя пенсионерка Прасковья Ивановна Дуденко.

Напомню, о чем идет речь.

В январе прошлого года на перегоне Тула — Скуратово у железнодорожного полотна был найден труп женщины с многочисленными травмами на теле. Вскоре выяснилось, что потерпевшая — проводник поезда Москва — Николаев, в нетрезвом состоянии выпавшая из вагона на полном ходу. Народный суд, разбиравший дело, вынес частное определение, в котором обращал внимание начальника Николаевского вагонного депо тов. Тарасенко на участившиеся факты нарушения трудовой дисциплины среди проводников.

Сделать такой вывод суд имел все основания. В статье «Происшествие в поезде» говорилось, что в поездах Николаев — Москва среди проводников наблюдаются случаи пьянства, грубость по отношению к пассажирам, вымогательство у них денег, спекуляция и т. д.

Статья нашла широкий отклик у читателей. Железнодорожники также приняли ее близко к сердцу. Начальник Одесской дороги И. Шеверняев и председатель дорпрофсожа Л. Кирюшин сообщили нам, что издан приказ, в котором намечены конкретные меры, направленные на укрепление дисциплины, улучшение подбора кадров, повышение уровня технического состояния вагонов пассажирского парка. За недостаточный контроль за дисциплиной на транспорте наказаны руководители Херсонского отделения дороги, Николаевского вагонного депо и службы вагонного хозяйства управления дороги.

Заводский райком партии города Николаева также рассмотрел факты, изложенные в статье. Секретарь райкома В. Матвеев доводит до сведения редакции, что бюро райкома полностью согласно с выводами автора статьи. За упущения в работе к строгой партийной ответственности привлечены начальник вагонного депо станции Николаев С. Тарасенко, заместитель начальника по пассажирским перевозкам Н. Удод, секретарь партийной организации В. Волощук. Парткому депо поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности председателя профсоюзного комитета А. Сахно, начальника резерва проводников Ф. Голубаря, начальников поездов, члены коллективов которых нарушают правила пассажирских перевозок.

Решение этих вопросов в депо взято райкомом под контроль.

Одесский транспортный прокурор В. Серафимов пишет нам, что после проверки фактов, изложенных в статье «Огонька», виновным были объявлены предостережения о недопустимости нарушения законов. А начальник поезда Б. Волощук (однофамилец В. Волощука), которого критиковали в статье, освобожден от занимаемой должности.

Со дня опубликования статьи «Происшествие в поезде» прошел почти год. Что изменилось за это время?

Мы беседуем с начальником Херсонского отделения дороги, куда входит Николаевское вагонное депо, Ф. Ф. Чернюком.

— Сразу же после выступления «Огонька» состоялись заседания аттестационной комиссии по проверке знаний начальников поездов. Оказалось, что из четырнадцати человек только четверо полностью соответствуют занимаемой должности. Шести определен годичный срок, в течение которого они должны улучшить свою работу, повысить квалификацию, а затем снова пройти аттестацию. Четверых пришлось освободить от этой работы.

Освобождены как не справляющиеся со своими обязанностями начальник резерва проводников Ф. Голубарь и начальник отдела кадров Бондаренко. Они заменены более знающими и энергичными товарищами. Серьезная работа проведена в штате проводников. Проверка показала, что некоторые из них люди случайные.

— Но как могли проникнуть к вам эти «случайные люди»? И есть ли гарантия, что они не проникнут и в дальнейшем?

— Теперь прием новичков упорядочен: ни один не будет принят без ведома партийной и комсомольской организаций. Покончено с обезличкой в коллективе проводников. Сейчас каждый прикреплен к определенному вагону и отвечает за его сохранность и порядок в нем. Все работники этой категории прошли или проходят переаттестацию.

— А что предпринимается по части нравственного воспитания людей, обслуживающих пассажиров?

— Во-первых, на обязательных планерках перед выездом в рейс руководителям депо предписано информировать членов поездной бригады о всех нарушениях трудовой дисциплины в депо, называя при этом фамилии виновных, какого бы ранга они ни были. Кроме того, вводится так называемый День дисциплины, на который собираются все свободные от работы люди. Здесь также, но более детально рассматриваются причины того или иного нарушения в присутствии виновного и представителей прокуратуры и милиции. Если нарушитель еще молод, приглашаются его родители. Ряд мероприятий по воспитанию молодежи предпринимают партийная и комсомольская организации.

— Можно ли сейчас говорить хотя бы о некоторых результатах всех этих мероприятий?

— Количество жалоб на неудовлетворительное обслуживание пассажиров заметно сократилось. Резко пошла вниз кривая таких нарушений, как провоз безбилетников, искусственное занижение количества свободных мест. Что же касается случаев пьянства, то за лето, например, зарегистрирован только один. Виновный был незамедлительно уволен.

— Наступили холода. Не будут ли мерзнуть пассажиры, как это случалось в прошлом году?

— Делаем все, чтобы подобное не повторилось. Вагонный парк обновляется недостаточно, поэтому сейчас перед нами стоит задача самим как следует ремонтировать и утеплять вагоны. Раньше это делали для нас Одесское, Днепропетровское, Кишиневское, Жмеринское депо. Вагоны стояли там долгие месяцы, да и ремонт чаще всего производился плохо. Теперь мы взяли это дело в свои руки. В Николаевском депо оборудуются и оснащаются необходимой техникой мастерские. Организована специальная бригада для приведения в порядок всех вагонных коммуникаций. Хотя условия у нас тяжелые — многого не хватает, начиная со служебных помещений, но все же со своих мастеров мы теперь потребуем, чтобы отопление в вагонах работало безотказно.

Александр ПАЛЛАДИН

Корреспонденция из Вашингтона

Ложь на вынос

В 1965 году газета «Нью-Йорк геральд трибюн» обогатила словарь американцев новым оборотом —«кризис доверия». Так с той поры в Соединенных Штатах именуют взаимоотношения между регулярно обманываемыми избирателями и власть предержащими. 15 лет спустя журнал «Тайм» пришел к выводу, что феномен, обозначенный этим образным выражением, охватил всю страну. «Ложь в политике (США.— **А. П.**) вступила в эру массового производства»,— вторит самому крупнотиражному в Америке еженедельнику публицист Роберт Адамс. Сказано в 1980 году, но ныне звучит актуальнее прежнего.

«Все наши президенты одним миром мазаны»,— рассуждая на ту же тему, считает «Дейли уорлд». В подтверждение газета американских трудящихся приводит перечень заведомо лживых концепций, положенных в основу своей политики людьми, которые возглавляли вашингтонские администрации в послевоенный период.

«Правда — настолько важная особа, что ее всюду должна сопровождать свита лжи»,— с присущим ему циничным красноречием говаривал провозвестник «холодной войны» Черчилль. Взяв этот принцип на вооружение, его американский современник и единомышленник Трумэн запугал западных обывателей выдумкой про «советскую агрессию» и перевел «холодную войну» из теории в практику. Сменивший его Эйзенхауэр подмочил свою репутацию «честного солдата» собственным набором обманных слов и деяний, из коих самой памятной была попытка вывернуться после инцидента со шпионским самолетом У-2, вторгшимся в воздушное пространство СССР. В свою очередь, его преемник Кеннеди подхватил эстафету лжи, даже еще не попав в Белый дом. Именно он, изыскивая способ обойти в президентской гонке Никсона, запустил «утку» про «ракетное отставание» США. Через десятилетие Никсон взял реванш, но не над Кеннеди — тот уже был сражен пулями убийцы или убийц,— а над ни в чем не повинными массами сограждан, обманом втянув их в эскалацию войны в Индокитае и на весь свет осрамив уотергейтским скандалом. В промежутке между ним и Кеннеди был Джонсон, который настолько запутался во внешнеполитических интригах, что, не дожидаясь неминуемого провала, сам вышел из борьбы за переизбрание на президентский пост. При нем «кризис доверия» как термин, а не как существовавшее и прежде явление, вошел в обиход американцев.

Дабы завершить экскурс в историю лжи хозяев Белого дома, напомню, что не выдержали испытания на честность ни подменивший Никсона Форд, ни прикинувшийся святошей Картер. В последнем случае, надо полагать, досада здешних избирателей была особенно велика, поскольку доверие Картеру они оказали, в сущности, потому лишь, что он клялся и божился исцелить уотергейтские раны, более того — навсегда изгнать из Белого дома скверну лицемерия и неправды.

Четверо из упомянутых выше деятелей — выдвиженцы демократической партии, трое — республиканской. Этот факт — еще одно подтверждение того, что ложь и обман в буржуазной политике — институт классовый, надпартийный. От этого американцам никуда не деться, покуда в их стране царит диктатура монополий. Внушаемые же им представления, будто очередное постигшее их надувательство — всего лишь нечаянное происшествие, вызванное ущербным характером обманщика, суть дежурная ложь во спасение лжи.

...Наступление 1984 года здешняя пресса встретила рассуждениями о том, насколько и в чем сбылись пророчества Оруэлла. Тридцать пять лет назад этот английский писатель сочинил роман-антиутопию «1984». В нем он предрек человечеству вырождение в тоталитарное общество, управляемое террором и демагогией. «1984» стал обязательным чтением для западных школьников по обе стороны Атлантики, а многие придуманные Оруэллом понятия и образы вошли в обиход американцев. В их числе —«двоемыслие», коим пророк всеобщей деградации нарек выворачивание общепринятых выражений и слов наизнанку.

В сегодняшнем Вашингтоне «двоемыслие» в особой моде. Так, внутреннюю политику, означающую фронтальное наступление на права широких слоев населения, ликвидацию их социально-экономических завоеваний, здесь именуют... «революцией». «Заботой о национальной безопасности» величают доведение уровня вооружений до такого уровня, что их применение грозит самоубийством. Беглым отщепенцам и уголовникам, призывающим к агрессии против бывших сограждан, придумали титул «апостолов надежды». И если подобное «двоемыслие» (по старинке «словоблудие») было приметой здешней политической жизни всегда, то насилие над разумом соотечественников, совершаемое нынешними хозяевами Белого дома, прецедента в истории Соединенных Штатов не знает, причем — еще одна характерная черта — данному занятию они предаются без принуждения, по призванию.

Обработка общественного мнения, метко прозванная «промыванием мозгов», ведется по нескольким направлениям сразу. Предпринимаются, например, усилия выдать грязную войну против народов Индокитая за «благородный подвиг», «служение исконным идеалам нации». Столичному обозревателю Ричарду Коэну эти попытки изгнать «вьетнамский синдром» напомнили обстановку в Германии двадцатых — тридцатых годов. Тогда поражение в первой мировой войне немцам объясняли «предательством на внутреннем фронте». Так и в сегодняшних США неудачный поход на страны Индокитая объясняют разбродом и шатанием в американском обществе, в чем винят либеральную часть прессы, интеллигенции и политических деятелей.

«Обязаны ли наши лидеры знать историю — **и сколь глубоко?**»— поставил как-то вопрос вашингтонский журналист Эдвин Йодер, наслушавшись диковинных рассуждений сановных представителей администрации Рейгана о ходе событий, заведших США в трясину индокитайской авантюры. Уже упоминавшийся Коэн высказался на сей счет вполне определенно. Нынешний глава Белого дома, по его словам, норовит подстроить под собственное мировоззрение даже саму историю, дабы внушить соотечественникам, будто в отношении оной возможна «переигровка», позволяющая обратить вчерашнее поражение в победу.

Другой пример «двоемыслия», как его практикуют в Вашингтоне,— реабилитация средств массового уничтожения. Практика эта восходит к 1945 году, когда уготованные Хиросиме и Нагасаки атомные бомбы окрестили игриво-добродушными именами «Малыш» и «Толстяк». Задача теперешних агентов по рекламе ядерного апокалипсиса упрощается тем, что о войне, даже обычной, подавляющее большинство американцев знает лишь понаслышке. (За всю историю на континентальную часть США авиабомбы упали лишь раз — в 1921 году, когда в Талсе, штат Оклахома, вспыхнули расовые волнения и поборники рабства подвергли взбунтовавшихся негров бомбежке с воздуха.) Правда, Америка — единственное государство, применившее атомное оружие, и испепеленные японские пейзажи, запечатленные на фото- и кинопленку, по-прежнему будоражат сознание американцев, пробуждая если не сострадание, то хотя бы чувство самосохранения. Однако те, кто замышляет повторить август 1945 года во вселенском масштабе, стремятся не допустить, чтобы пепел Хиросимы и Нагасаки стучал в сердца жителей США. Отсюда участившиеся публичные восхваления учиненной над японцами ядерной экзекуции как средства избавления самих американцев от лишних хлопот и жертв. «Спасибо атомной бомбе!»— устами ветерана боевых действий на Тихом океане спела панегирик смертоноснейшему из всех видов оружия «Вашингтон пост». А «отец» водородной бомбы Эдвард Теллер, ныне развивающий полюбившуюся Рейгану идею «звездных войн», успокаивает сограждан тем, что в случае третьей мировой войны погибнут «всего-то несколько сотен миллионов людей». Да что там Теллер, если и Федеральное управление по руководству страной в чрезвычайных ситуациях в недавно выпущенном документе утверждает, что-де американцы переживут такую напасть без особых жертв и последствий, тем более, что, по наметкам ядерных мальтузианцев, лишние рты — облученные и обгоревшие — недолго будут обременять своим существованием уцелевших соплеменников. (Именно так,

только более казенным языком, и сказано в этом опусе, который впору отнести к жанру кладбищенского юмора.)

Если переписывание истории внешней политики США, как это делается сейчас,— явление относительно новое, то вокруг жупела «советской военной угрозы» Вашингтон шаманствовал в течение всего периода существования нашего государства, причем всегда с ярко выраженными агрессивными целями.

Годы моей работы в Вашингтоне приучили: едва здешняя пропаганда с подачи Белого дома поднимет очередную клеветническую кампанию против СССР, жди новой военной программы либо внешнеполитической авантюры под предлогом «ответа на происки русских». В буйстве фантазии постановщикам этих спектаклей не откажешь. Давно ли лидеры США пугали соплеменников «окном уязвимости», под которым, согласно сценарию, притаился «русский медведь»? Сегодня про «окно» помалкивают. Но через него успели вытащить изъятые из кармана здешних налогоплательщиков сотни миллиардов долларов.

Или такой фарс, сыгранный весной 1982 года для куда более искушенной публики на Капитолийском холме. Перед комиссией по делам вооруженных сил предстал шеф управления научно-исследовательских работ Пентагона Ричард Делор и произнес трагический монолог: «В течение ближайшего года Советы разместят в космосе лазерное оружие». Его тут же сменил признанный солист подобных действ — министр обороны Уайнбергер и, пока аудитория не очухалась от испуга, пристал с ножом к горлу: «Слыхали? Извольте раскошелиться!» Лжепророчество пентагоновских сановников, разумеется, не сбылось ни через год, ни после, зато американское космическое оружие уже испытывается, и «звездные войны» больше не выглядят лишь плодом фантазии вашингтонских милитаристов.

Вот что пишет по тому же поводу автор книги «Угроза» Эндрю Кокберн: «Советское оружие, которое еще не изобретено, всегда страшнее уже известного и потому незаменимо как рычаг выбивания ассигнований на наращивание военных усилий». Пентагону эта истина открылась давно. Еще в 1958 году командование ВВС США проделало несложный фокус, добившись солидной прибавки к бюджету с помощью порожденного собственным воображением «советского бомбардировщика с атомным двигателем». Нынешнее поколение пентагоновских иллюзионистов аналогичным образом пришпорило программу создания сверхсовременного танка «М-1», изобретя русского монстра на гусеничном ходу, который даже попал в виде цветной иллюстрации в сборник измышлений под названием «Советская военная мощь».

Время от времени здешняя пресса напоминает согражданам об унылом факте. Нация, кичащаяся своим богатством, по уровню грамотности недалеко ушла от иных недавних колоний, постыдно отстав здесь от большинства промышленно развитых государств. Даже по официальным данным, в США не умеют читать и писать 25 миллионов человек — каждый пятый взрослый житель.

Но даже всеведущей американской статистике неизвестно число людей, страдающих безграмотностью политической. Это жертвы не столько имущественного или расового неравенства, сколько существующей в Соединенных Штатах системы в целом. Поразительный парадокс: в США издают огромное количество газет и журналов, имеется такая тьма радио- и телестанций, и тем не менее по скудости знаний американцы достойны занять место в таком обществе, которое еще не вступило в эру информационного изобилия. Сами жертвы духовного грабежа об этом и не подозревают. Вакуум эрудиции тут заполняют усиленно прививаемым чувством превосходства над остальными да лавиной никчемной информации.

Нынешняя администрация США и здесь внесла свою лепту, стремясь установить монополию на информацию и так препарируя оную, что именовать ее этим словом можно лишь с приставкой «дез». С этой целью Белый дом объявил войну тем органам и отдельным представителям американской прессы, кто чересчур буквально воспринял изложенные на бумаге свободы. Администрация Рейгана так закрутила цензурные гайки, что в сегодняшнем Вашингтоне (цитирую журнал «Инкуайри») «практически все составляет тайну».

«Промыванием мозгов» с небывалым увлечением занимается и Государственный департамент. Ему, в частности, поручено распространять небылицы про «желтые дожди», которые СССР и его союзники будто бы низвергают на головы своих врагов вопреки международным запретам на применение химического оружия. Эту зловредную выдумку безапелляционно разоблачили авторитетные специалисты, в том числе в самих США; известна и цель, с какой ее породили: изгнать из людской памяти факты массированного отравления территории Вьетнама и оправдать качественное и количественное наращивание американского арсенала боевых ядов и газов. Тем не менее с «туманного дна» (так зовут район Вашингтона, где находится Госдепартамент) продолжают подниматься пропагандистские пузыри, которые затем выпадают в виде «желтых дождей» на страницы газет.

Зато ЦРУ заниматься дезинформацией написано на роду. Оно ею и занимается, тем более что главное шпионское ведомство США возглавил близкий друг и старый единомышленник президента — Кейси. И все же ЦРУ нет-нет да и подведет Белый дом. На поприще антисоветской пропаганды теперешняя вашингтонская администрация дебютировала измышлениями насчет причастности СССР к международному терроризму. Заказ на изготовление «улик» был размещен в ЦРУ. Однако даже господа из Лэнгли оказались неспособными воспроизвести то, чего нет в природе. Полтора года спустя — рецидив объективности: ЦРУ предсказало, что газопровод Сибирь—Западная Европа войдет в строй, несмотря на все козни администрации США. А еще через год «рыцари плаща и кинжала» ввергли Белый дом в новый конфуз, причем на наиболее важном направлении пропагандистской деятельности правящих кругов США. Под корень рубя доводы Белого дома в пользу рекордных ассигнований на милитаризацию, ЦРУ покаялось, что прежде как минимум вдвое завышало уровень оборонных расходов СССР.

Вот почему вашингтонская администрация, включая ее главу, все чаще прибегает к приему, патент на который принадлежит Линдону Джонсону. Тридцать шестой президент США, бывало, почувствовав очередное обострение «кризиса доверия», призывал к себе лояльных издателей и редакторов, напускал озабоченный вид и принимался увещевать: «Зря вы подвергаете сомнению мою политику. Если б только вы знали то, что ведаю я, и могли ознакомиться со сверхсекретной информацией, которую мне доложили!..» К той же спасительной формулировке: «Верьте нам на слово!» — прибегают нынешние хозяева Белого дома, втягивая нацию в очередные авантюры и очередные раунды гонки вооружений.

...Восемь часов спустя после того, как кремлевские куранты пробили полночь, наступление нового, 1985 года возвестили и колокола здешних соборов. Разница между московским и вашингтонским временем — факт непреложный, связанный с географией. Но в нем проглядывается символика: Вашингтон отстает от Москвы и в служении истинным интересам человечества, причем в данном смысле разделяющая их дистанция неизмеримо больше и существеннее временнóй. Движимый заботой о всеобщем мире Советский Союз предлагает четкую программу обуздания гонки вооружений и в одностороннем порядке отдельные ее пункты уже выполнил, взяв торжественное обязательство не применять первым ядерное оружие, а также введя мораторий на военное использование космоса. Соединенные Штаты же, поумерив угрожающе-агрессивный тон публичных высказываний, по-прежнему ставят рекорды затрат на милитаристские приготовления, как и в предыдущие годы, пытаются присвоить себе право на роль мирового жандарма и все так же одержимы стремлением к мировому господству, ради чего норовят превратить в свой плацдарм еще и околоземное пространство. При этом очевидное всем несоответствие дел и слов Белый дом тщится затушевать лжепропагандой. Достаточно сказать, что идею «звездных войн», которая вызывает оторопь даже у ближайших американских союзников, Вашингтон именует... вершиной заботы о безопасности человечества и кратчайшим путем к разоружению.

И все же в отличие от временнóй дистанции, разделяющая СССР и США в подходе к главной проблеме мирового сообщества,— величина непостоянная, поддающаяся изменениям. При желании Вашингтон в силах догнать Москву и шагать вместе с ней к обоюдовыгодной цели разоружения и устранения военной опасности.

ЕСЛИ МОЛОД ДУШОЙ

Виктор МЕНЬШИКОВ

УТРО

Легкой поземкой разбужено утро.
Гаснут последние цепи огней.
Как же природа придумала мудро,
Стало с рассветом и в сердце светлей.

Снова рассеялись с сумраком зыбким
Боль и тревоги и ночи, и дня.
Снова, как в юности, доброй улыбкой
Люди приветствуют всюду меня.

Снова все стало и просто, и ясно.
Словно так было и будет всегда.
Значит, и прожиты дни не напрасно.
Снова в дорогу зовут поезда.

Что бы в пути ни случалось бы с нами,
Как бы судьба к нам строга ни была,
Мир удивленными видеть глазами —
Чтобы дорога все дальше вела.

●

Попробуй-ка смотреть спокойно
Вслед уходящим поездам.
Сожмется сердце вдруг невольно
И жалость просится к глазам.

Хотя разлуки неизбежны,
Не уверяй напрасно в том,
Что мы спокойны, как и прежде,
Когда разлука входит в дом.

●

Сестре Лиде

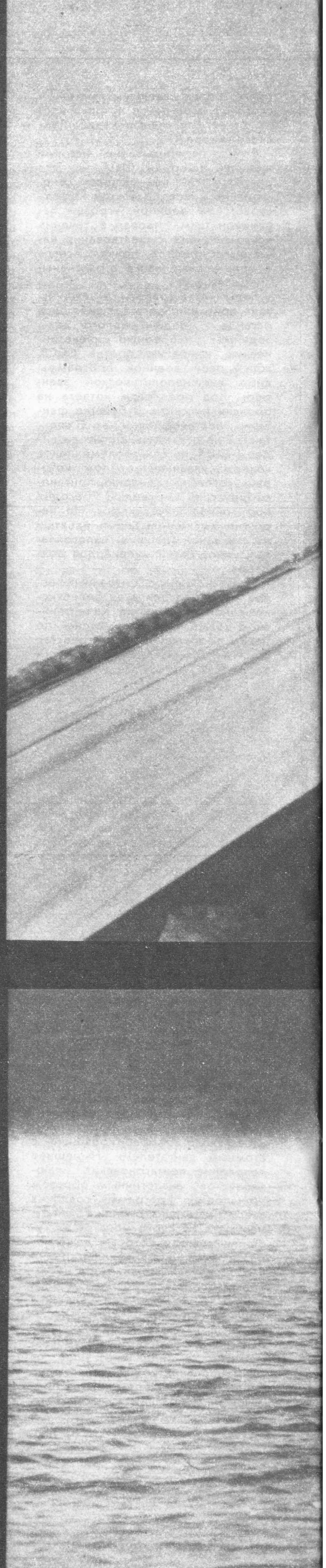
Говоришь,
Быстротечны годы.
Не унять, не замедлить их бег.
Но с годами задор не уходит,
Если молод душой человек.

Пусть морщинами время отметило.
Седина на висках, словно снег.
Только взгляд твой по-прежнему светел,
Значит, молод душой человек.

Хоть и годы безжалостно строги.
И так краток отпущенный век,
Но зовут, как и прежде,
Дороги,
Если молод душой человек.

Игорь ГАВРИЛОВ
Фото автора

НОЧНОЙ РЕЙД

Взят с поличным.

Инспектор оперативной группы Валерий Григорьев.

Осетр хочет жить.

Солнце медленно поднималось из-за деревьев, окрашивая воду сначала в оранжевый, а чуть позже в ярко-золотой цвет. Прозрачен прохладный воздух. Тишина... И вдруг — всплеск, потом еще и еще... Из реки выпрыгивали мощные красивые рыбины, их тела переливались в лучах солнца, брызгах воды, и на мгновение застывали в воздухе. Утренние игры осетров — зрелище незабываемое. И видел я эти игры на Волге, в черте Волгограда — под Волжской ГЭС.

— Ничего удивительного,— сказал главный ихтиолог Нижневолжского рыбовода Юрий Долидзе.— Участок Волги от плотины вниз на двенадцать километров можно назвать «родильным домом» осетровых. Тут нерестится почти все маточное стадо. Осетры здесь не только нерестятся, но и зимуют. Примерно сто пятьдесят — двести тысяч рыбин собираются под плотиной. Место уникальное, во всем мире другого такого нет!..

Тем более мне показалось странным, что столь исключительное место не является заповедным. Более того, в «родильном доме» осетровых разместилось множество лодочных станций, и лихие водители «Казанок», «Амуров», «Прогрессов» с раннего утра до позднего вечера режут, потрошат «заповедную» воду винтами моторов. Правда, во время нереста движение на моторках запрещают, но... Не все лодкодержатели запрету подчиняются, а каждый нарушитель закона, проносясь на скорости вблизи берега, выплескивает с волной на него тысячи икринок.

Большой урон наносят рыбному хозяйству и берегоукрепительные работы, которые уничтожают естественные нерестилища осетровых. Хотя одновременно и создаются нерестилища искусственные, но едва ли стоит доказывать, какие из них предпочитает рыба.

К сожалению, до сих пор с окрестных полей в Волгу ежегодно смывается дождями весьма значительное количество внесенных в почву удобрений, которые для икры и рыбы являются ядом. Не раз говорилось и о мизерной эффективности рыбоподъемника, который почти не обеспечивает проход осетровых к исконным нерестилищам, расположенным выше по течению, это приводит к исчезновению некоторых видов осетровых, а также стимулирует межвидовое скрещивание... Для того, чтобы жизнь осетра, белуги, стерляди, белорыбицы в волжских водах была более комфортабельной, требуется огромная, хорошо скоординированная работа нескольких министерств.

Есть у осетровых еще один враг — браконьер. Враг циничный и жадный. Хладнокровный убийца беззащитной рыбы. Не знаю, уничтожают ли браконьеры ценной рыбы больше, чем владельцы моторных лодок или работники агрохимической службы, но браконьеры наносят и моральный ущерб. Вот примерно какая картина рисуется из рассказов не очевидцев. Река поделена на зоны влияния, у каждого браконьера свое место лова. У браконьера рука не дрогнет, если кто-то нарушит конвенцию: «Волга все спишет...» На воду бандиты выходят, как правило, вдвоем в облегченной «Казанке» с мощным, хорошо отлаженным мотором «Вихрь-30»; очевидно, вооруженные (и не только молотком или ножом)... Прямо-таки детектив какой-то! Снасти, на каждой из которых до ста крючков, устанавливают в темноте, а сами уходят на берег. Основная «работа» утром, когда быстро и незаметно поднимается снасть, пойманная рыба погружается в лодку, а браконьер моментально скрывается. Тут случаются головокружительные, как в кино, погони, драки, поединки с блюстителями порядка.

Верилось, честно говоря, во все это с трудом; и я поделился своими сомнениями с начальником водной милиции Валентином Михайловичем Федоровым.

— И кто же вам все это рассказывал? — удивленно спросил он.

— Вот, говорят...

— Ну, что же, давайте разберемся вместе,— предложил Валентин Михайлович.

Беседа наша была долгой, интересной и, конечно же, многое прояснила в проблеме охраны природных богатств великой русской реки. И уже не загадочным, а похвальбушным показалось мне все ранее услышанное на берегу. Да и в самом деле, можно ли «поделить» Волгу и собирать урожай черной икры? Река — не лес с грибами и не собственный огород. Да и берег Волги — не пустыня, здесь несут службу и рыбинспекция, и милиция. И общественность не дремлет... «Ковбойство» со стрельбой тоже оказалось сказкой.

А вот погони бывают. Сумасшедшие! Животный страх перед наказанием гонит браконьера, заставляет его идти на всевозможные, подчас рискованные маневры. Позабыв про все на свете, он выжимает из мотора предельную скорость. Не жалея лодку, закладывает невероятные виражи! Гонит ее по мелководью, а когда понимает, что удрать не удастся, на полном ходу выбрасывается на берег! И, бросив лодку с навороованным, пытается скрыться по суше: затеряться в лесу, в кустарнике...

Количество добываемых браконьерами икры и осетровых, к сожалению, действительно велико. Ежегодно конфискуется примерно четыреста килограммов икры и 35 тонн осетрины... Правда, последнее время «заработок» браконьеров все чаще и чаще выражается не в деньгах, а в годах тюремного заключения по статье 163 УК РСФСР — четыре года лишения свободы. Или в штрафах за нанесенный ущерб: за голову белуги, например, четыреста рублей, за осетра сто рублей. Именно поэтому, думается, на воду с каждым годом выходит все меньше новичков, надеющихся на легкую наживу. Чаще в руки правосудия стали попадаться рецидивисты. И происходит это не оттого, что матерые браконьеры — «бойцы», как их тут зовут,— утеряли «профессиональное мастерство», а потому, что растет мастерство сотрудников милиции и рыбинспекции.

Но, как это часто бывает, наряду с успехами есть и трудности. Одна из них — техническая оснащенность. Взять, например, лодки. Браконьеры используют, как уже говорилось, быстроходные, маневренные «Казанки». У рыбинспекции и водной милиции неуклюжие «Амуры» и «Прогрессы». Есть, конечно, большие катера и даже катера на подводных крыльях, но первые очень уж тихоходны, а вторые, хоть и достаточно быстры, но боятся мелководья. И опять же неманевренны.

Моторы? Тоже проблема! В инспекцию и милицию один мотор дается на три года, а эксплуатируется он каждый день по многу часов. Браконьер может позволить себе поменять и два мотора в год! Вот и погоняйся за ним...

Часто успех борьбы с нарушителями закона зависит от того, кто первым обнаружит противника. Фактор неожиданности — фактор очень важный! Инспекторы используют бинокли, но... бинокли есть и у браконьеров (продаются свободно). И кто кого увидит первым, иногда решает случай. Зато портативные рации и приборы ночного видения — аппаратура, недоступная браконьерам,— эти средства очень повышают эффективность борьбы с ними.

— Так что,— закончил Валентин Михайлович,— как видите, проблемы есть. И лучше ночь на Волге увидеть своими глазами. Вот завтра уходит в рейд опергруппа...

С опергруппой я познакомился уже на катере. Пять человек: инспектора Валерий Никитин, Валерий Григорьев, Юрий Сердюков, Константин Никифоров и сотрудник водного отдела милиции старший лейтенант Александр Закурдаев. Старший лейтенант — лицо на Волге известное, браконьеры боятся встречи с Закурдаевым. Все на катере молоды, средний возраст тридцать лет. Все, как на подбор, рослые, крепкие. Спортсмены. Таким оказывать сопротивление, пожалуй, бессмысленно. К тому же все пятеро вооружены пистолетами. Никифоров в группе два года, остальные — «ветераны», охраняют рыбу уже лет по шесть. На счету каждого более ста задержанных браконьеров. Как говорится, есть что вспомнить!

Вышли под вечер и к ночи были в заданном месте. Прошли рекой несколько километров вниз. Как только катер причалил к берегу, инспектора пересели в лодки — по два человека в каждую,— запустили моторы и скрылись во тьме. Времени прошло много. Я напрягал зрение и слух, всматривался и вслушивался в ночь — глухо. Ни сигнальных ракет, ни голосов, вообще никаких посторонних звуков. Только тихий плеск воды.

Опергруппа наконец вернулась. Когда ребята зашли в каюту, стало ясно, что на воде им было нелегко. Красные от холодного ветра лица, пальцы рук еле сгибаются. «Это еще ничего, вот ближе к зиме или зимой... — сказал Валерий Григорьев. — Чайку бы горячень-кого!..» Только сейчас я заметил, что все оперативники одеты поразному, кто в чем. «Для конспирации?» — поинтересовался я. Тот же Валерий ответил:

— Какая тут конспирация! Формы нет... Ни нам, ни водной милиции формы не полагается. Ничего, кроме спасательных жилетов и неудобных телогреек. Вот и одеваемся в то, что достать удалось. А на воде резиновая роба необходима. И меховые вещи! И обувь хотелось бы специальную иметь — в тяжелых сапогах не очень-то побегаешь.

Утром на катере встали рано. Начали готовиться к выходу, проверять снаряжение, лодки. И вдруг наше внимание привлекла «Казанка», в которой сидели двое. Лодка совершала странные маневры у противоположного берега. Несколько раз она прошла вдоль берега против и по течению, как будто что-то искала, и вдруг, набрав полный ход, двинула вверх. И началась погоня! Одна патрульная лодка, прячась в легком тумане, что курился кругом, полетела вдоль берега, вторая с ревом рванулась через фарватер, к противоположному берегу. Через несколько секунд облачка тумана, вобрав в себя голубоватые выхлопы моторов, оставили вокруг только тишину. И опять ожидание — хуже не бывает... Время, как туман, тянулось лениво.

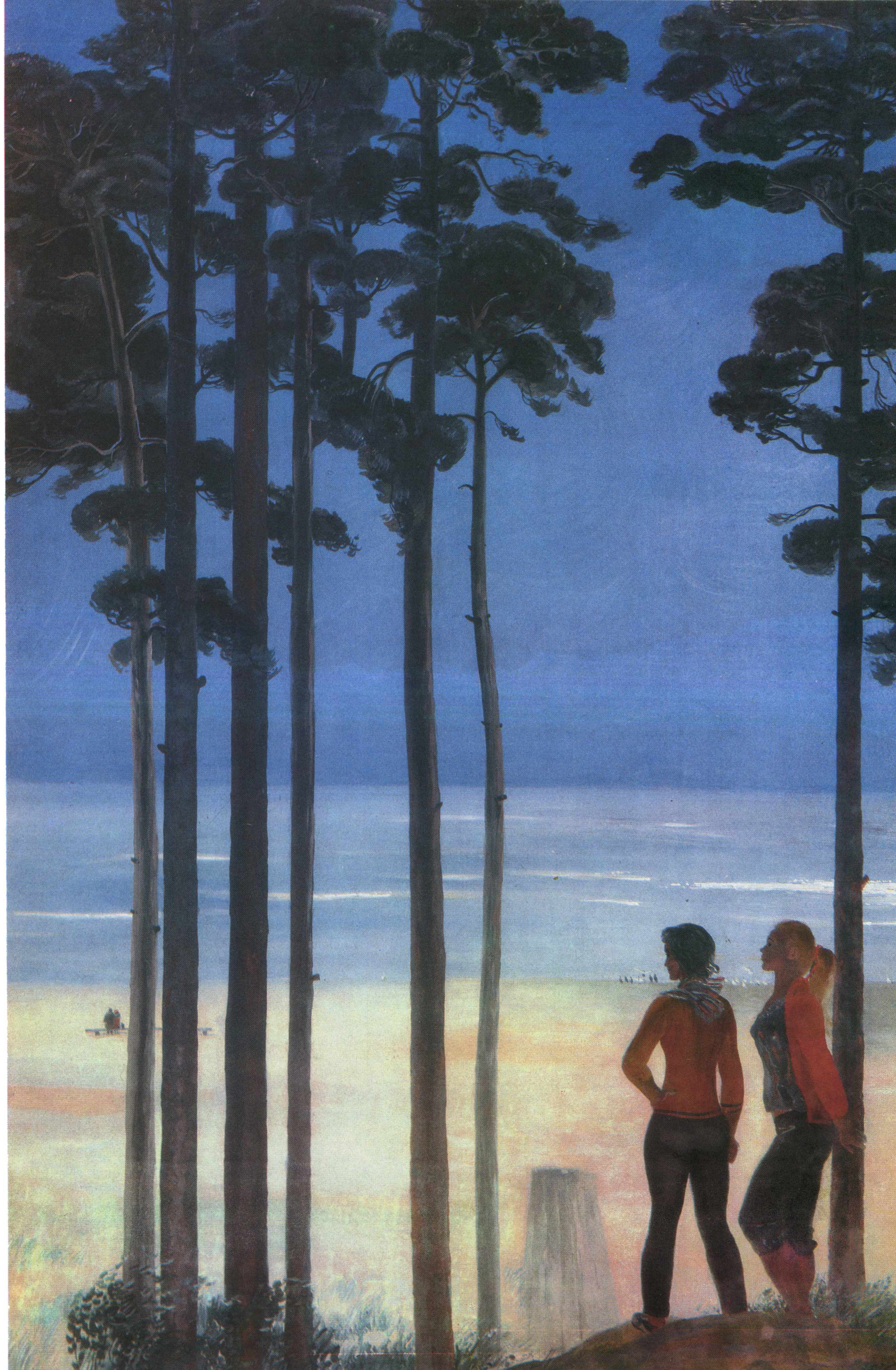
Наконец из молчания донесся звук мотора и вскоре показалась лодка. В ней сидели трое: двое незнакомых и Валерий Никитин на моторе. Левой рукой он управлял лодкой, правая была за пазухой. По лицу Никитина было видно, что везет он не друзей-товарищей. Браконьеры. Лица злые, позы настороженные. Как только увидели фотоаппараты, отвернулись! Обращал на себя внимание костюм одного из задержанных — новенькая, только что со склада спецодежда газосварщика. В магазинах такую не продают. Скорее всего ворованная. Незнакомцев пересадили на катер и вдруг, совершенно неожиданно для всех нас, один из них с отчаянием раненого зверя бросился на берег. За ним погнались. Безрезультатно. Никитин, ничего не объяснив, снова сел в лодку, исчез в тумане. Вскоре вернулся, на этот раз с напарником Константином Никифоровым и на двух лодках; в одной из них лежала огромная белуга и осетр. Обе рыбины были изорваны крючками, на телах отчетливо проступали глубокие шрамы от веревок, головы были пробиты молотком — он валялся рядом.

Начали писать протокол. Несмотря на то, что преступление было налицо, задержанный браконьер все отрицал. В лодке оказался «случайно», рыбу видит «в первый раз». Того, с кем его задержали, не знает. Был он пьян и, возможно, поэтому сначала вел себя нагло. Позже «удаль» исчезла. Но врать не перестал. Своего настоящего имени и места жительства пойманный «боец» так и не назвал, цинично объяснив нам, что ему нужно протянуть время, чтобы сообщники успели освободить какой-то холодильник; что в нем было — нетрудно догадаться. Так и доставили его неопознанным в райотдел милиции. Ничего — там разберутся...

У опергруппы было еще много дел: описать лодку, снасти, рыбу, личные вещи задержанных, оформить документы, сдать рыбу на рыбозавод, уничтожить (да, к сожалению, уничтожить) икру. Санэпидемстанция, как оказалось, не разрешает сдавать конфискованную икру ни на рыбозаводы, ни на предприятия питания или торговли. Странно, но это факт. Факт, с которым давно пора бы разобраться. Трудно поверить, чтобы в наше время не существовало достаточно быстрых и точных методов анализа. В качестве справки: белуга весила 100, осетр 20 килограммов, икры из обеих рыбин набралось около двух ведер (ее при мне выбросили в реку)...

Рейд завершился. Можно возвращаться в Волгоград. На мое предложение «поохотиться еще» с улыбкой ответили, что оповещение у браконьеров отлажено хорошо и в ближайшее время ни один из них близко к воде не подойдет.

Еще лучше было бы, чтобы никогда не подходил. Никогда и никто. Никто — к нашей Волге с грязными руками и мыслями.

Ю. Королев. ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ.

Ю. Королев. МОЯ МАМА.

Что зрителю дорого?

Марина ДМИТРИЕВА

Земля Подмосковья хороша в любое время года; хороша неброской природой, открытыми всем ветрам, неоглядными заснеженными далями, лесами, тихими речками. Земля эта нам дорога своей историей, своими героями, народной славой...

Интересно Подмосковье и своими культурными традициями. Труженики области издавна поддерживают тесную связь с творческими коллективами — с искусством. Какие проблемы ставит сегодня жизнь перед театрами?

Со зрителями Подмосковья постоянно встречаются Московский областной театр драмы, Первый московский областной драматический театр, Московский областной драматический театр имени А. Н. Островского, Ногинский драматический театр, Московский областной театр юного зрителя и, наконец, Московский областной театр кукол. Все это — коллективы несхожие. В их работе, связанной с селом, есть, несомненно, свои плюсы, но, увы, и минусы. Минусы недопустимые, если говорить о стоящих сегодня перед искусством серьезных задачах. В иных театральных коллективах еще до сих пор считают, что сельского зрителя надо «развлекать», что сельскому зрителю можно показывать легковесные пустые поделки, плохонькие водевили о семейных склоках, разводах и прочих «комнатных» коллизиях, ничего не дающих ни уму, ни сердцу... На афишах иных областных театров напрочь отсутствуют спектакли, глубоко отражающие жизнь современника, его духовные проблемы, короче — все то, что по-настоящему волнует сегодня всех нас, в том числе и жителей села.

Известно, что нынешний театральный сезон—особенный. Страна готовится к 40-летию Победы. А областные театры словно бы позабыли об этом — спектаклей на героико-патриотическую тему в их репертуаре нет. Отсутствуют спектакли на тему международную. И уже совсем непонятно, почему в репертуаре этих театров нет спектаклей о современной жизни села.

Как-то в Подмосковье, в Можайском районе я побывала на животноводческом комплексе «Красный балтиец», чьи современные благоустроенные корпуса разместились неподалеку от деревни Артемки.

Руководит комплексом с первого дня почти двадцать лет Виктор Антонович Маковесов.

— Мы счастливы,— сказал он мне,— когда к нам приезжает театр. Недавно с удовольствием встретили наших старых друзей, актеров Областного театра юного зрителя. Бурно реагировал зал: шли отрывки из спектаклей «Свои люди — сочтемся» Островского, «Белеет парус одинокий» Катаева и еще водевиль «Беда от нежного сердца»... Конечно, все это было интересно, и спасибо артистам за их труд! Однако отрывки из спектакля не могут заменить цельного спектакля. А нам очень хотелось бы посмотреть такой спектакль, где рассказывалось бы о людях сегодняшних, таких, как мы сами, где поднимались бы острые проблемы, те, что волнуют и нас. **Хочется увидеть на сцене современников, героев-современников.** Они ведь вокруг нас, только внимательней бы театру к ним присмотреться. Приведу пример — наш старший зоотехник Галина Васильевна Соболева: ее интереснейшая судьба — это находка для драматургов... Да разве она одна?..

— Нам не нужна «приблизительная», облегченная драматургия,—продолжила разговор Лилия Петровна Волкова, заведующая отделом культуры исполкома Можайского горсовета.— Очень высок нынче культурный уровень людей, и в частности тех, кто связан с селом, с землей, таинствами природы. Эти люди очень любят искусство и очень требовательны к его деятелям. Они остро чувствуют фальшь. Покажи им плохой спектакль, и они могут навсегда разлюбить театр.

И еще. Нам хотелось бы увидеть исторический спектакль о нашей земле: мы эту землю любим и ею гордимся. Вот уже 750 лет Можайску. Он не из самых великих городов, но он из тех, кем всегда жива была земля русская. Здесь было Бородинское сражение 1812 года, на подступах к Можайску, на поле безвестного тогда села Бородина. А в 1941 году фашисты здесь же встретили решительный отпор... Приезжали к нам драматурги: внимательно слушали рассказы о прошлом Можайска, восхищались, обещали написать. И, видимо, забыли.

А ведь писать есть о чем. Геройски сражавшиеся советские солдаты 32-й стрелковой дивизии полковника Полосухина сдерживали именно здесь, на Можайском направлении, наступление противника. Это сыграло большую роль в обороне Москвы. Вот что такое наша можайская земля! И люди хотят, чтобы и давняя их история, и нынешний труд нашли достойное художественное воплощение.

— Песня и труд вместе идут! — это сказала мне при встрече Вера Ивановна Шевелькова, председатель колхоза «Рассвет» Можайского района. Для нее, да и не только для нее, всегда желанна встреча сельчан с актерами. Эти встречи проходят во время страдной поры прямо на поле, на ферме. Рабочий день сельского труженика с самой весны и до осени — длинный день. Он начинается очень рано. Смотреть спектакль после работы уставшим людям, конечно же, трудно. А вот часок передохнуть днем, встретиться с артистами, что может быть радостнее?.. Конечно, концерты в обеденный перерыв тоже нужны людям. Но главная задача театральных коллективов на селе — приобщать зрителей к искусству серьезному, прекрасному, чтобы каждый приезд театра становился событием в их жизни. А такое возможно лишь при одном условии — если привозят художественно полноценный спектакль и зрители соприкасаются с искусством настоящим.

Артисты приехали!

К сожалению, пока еще существует заметное различие между спектаклями, поставленными на стационарной сцене, и с выездами на село. Конечно, театру тоже нелегко: тут и сложности с перевозкой оформления, и не приспособленные к показу спектаклей сельские площадки. Но порой сказывается равнодушие актеров, считающих выезд на село делом второстепенным. Отсюда и спектакль «на скорую руку».

— Нам доставляет большое удовольствие каждая встреча с творческим коллективом, с театром,— сказала мне Татьяна Леонидовна Родина, секретарь Волоколамского горкома партии.— Однако должна заметить, что встречи эти порой носят кампанейский характер. Но тут вина не только театров. Руководители колхозов и совхозов сами должны активно им помогать! Необходима так называемая «обратная связь»! Ведь актеры встречаются с тружениками определенных хозяйств, и не просто «развлекают» их, создают хорошее настроение. Они по-своему активно помогают воспитывать людей, нравственно обогащать их и в конечном счете вносят свой вклад в трудовые успехи... Когда мы говорим о союзе искусства и труда, то должны помнить, что обе стороны здесь имеют одну общую задачу. Подчеркиваю, общую. И об этом союзе, о действенности его должны заботиться и партийные работники...

Что греха таить. Заглянешь в иной клуб, дом культуры, ну, к примеру, в селе Горетово Можайского района. Холодно и сыро в этом клубе. Зрители сидят в пальто и платках, и можно только удивляться стойкости актеров, играющих на сцене в легких платьях. Правда, таких помещений не очень много. Комфортабельный, современный клуб есть у совхоза-техникума «Холмогорка» (Волоколамский район); благоустроены районные дома культуры в Рузе, Волоколамске, Можайске. Прекрасный Дворец культуры в деревне Кашино. На таких сценических площадках актеры работают с удовольствием.

Но во многих селах, увы, актерам приходится работать в очень тяжелых условиях. Особенно достается художникам, оформителям. Трудно установить декорации, наладить освещение. Сейчас этой проблемой заняты и руководители Министерства культуры, и ВТО, да и сами театры.

И тут каждый успех заслуживает поддержки. Нельзя не сказать добрые слова о работе Ногинского драматического театра и Первого областного драматического. Их спектакли успешно идут на сцене районных домов культуры и на фермах; а летом — на полях.

Особенно хочется отметить интересную и поучительную работу Московского областного драматического театра. Связь с селом для него не кампания, а постоянное творческое дело. Отсюда многообразие и глубина репертуара: тут и современные пьесы, например, «Багряный бор» Л. Моисеева, «Вечер» А. Дударева, и классика — «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого, «Ревизор» Н. Гоголя... Привозят в село и добрые, умные сказки для детей.

Все это духовно обогащает и зрителей и актеров. Искусство побуждает тружеников села глубже задумываться над многими острыми жизненными проблемами. Актеры же близко знакомятся со своим современником. И с тем, что современнику дорого.

От редакции:

Мы считаем разговор, начатый в корреспонденции «Что зрителю дорого!», проблемным. Думаем, что на него откликнутся не только сельские и городские зрители, которые в своих письмах выскажут пожелания и требования к театрам, но и работники партийных, советских, общественных органов культуры, деятели театра, связанные с селом.

Отклики найдут свое место на страницах «Огонька».

Мастер и труженик

Е. И. Носов

Фото П. Кривцова

Один за другим, как по расчету, минуют рубеж шести десятилетий писатели «фронтового поколения», те, кто юношами попал в горнило войны, прошел ее солдатами, сержантами, лейтенантами, а после Победы написал честные и мужественные книги, с великой искренностью и болью раскрывшие самую суть народного подвига,— Ю. Бондарев, В. Астафьев, В. Быков. А теперь и Евгению Носову минуло шестьдесят. Поначалу может показаться странным — познавший войну в ее самом страшном, самом тяжелом обличье (Носов воевал в расчете семидесятишестимиллиметровой пушки), он пишет о войне немного, да и боя, сражения как такового не найдешь в его произведениях. Виктор Астафьев, размышляя о творчестве Носова, говорит так: «Доподлинный окопник, рядовой боец, он не любит говорить о ней, как не любят говорить о своем деле настоящие охотники или мастера ремесла какого-либо. Раны бойца больше и сильнее скажут о войне. Нельзя всуе трепать святые слова. Как, впрочем, нельзя и врать о войне. А плохо писать о страданиях народа—стыдно. Вот потому-то, наверное, опасается впасть в сочинительство мой друг. Мастер и труженик прозы, он знает, что память погибших друзей можно оскорбить неловким словом, корявыми мыслями. И готовится, как мне кажется, напряженно внутренне готовится писать достойно и с достоинством о самом великом, что было в нашей жизни,— об Отечественной войне». Слова эти были сказаны до того, как увидела свет повесть Евгения Носова «Усвятские шлемоносцы», в которой ярко и художественно сконцентрирована сила народного горя и готовность русского человека к подвигу для защиты своей земли. На рубеже войны и мира живут герои повести Носова. К истокам великой Победы, до которой еще так далеко, приникает писатель, видя этот исток в характере простого русского человека, в чью жизнь вторглась великая беда — война. «Усвятские шлемоносцы» остаются особой книгой в советской военной прозе. Это сконцентрированно-эпическое повествование исполнено высокой символики и богато удивительно тонкими психологическими наблюдениями. Народное сознание войны сумел постичь и передать писатель, вложив его определение в уста одного из героев: «Ну да, как сказывали наши деды: в бранном поле не одна токмо вражья воля, а и наша тож. А с нами еще и справедливое дело. Потому как не мы, понимаешь, на него, а он посягнул на нашу землю. А своя земля, ребята, и в горсти дорогá, а в щепоти родина».

Неизбывна любовь Е. Носова к политой и его кровью родной земле. Как гражданин и художник он накрепко спаян с центральной Россией, давшей нашей литературе Кольцова, Никитина, Тургенева, Лескова, Бунина, Фета — трудно перечесть всех, кто жил и творил в этих краях. Не случайно, конечно, так пронзительно-проникновенен пейзаж, картины родной земли в произведениях Носова. Поэтичность и философская глубина постижения природы в его рассказах и повестях часто заставляют вспомнить совершенно неповторимое колдовство мудреца Фета. Это то мастерство, которое нельзя нажить временем и работой, оно дано художнику, в нем счастье и великая ответственность его.

Последняя большая работа Евгения Носова — а пишет он, видимо, мало и печатается в последнее время весьма скупо,— очерк «На дальней станции сойду...», заставляет вспомнить лучшие страницы русской публицистики. Такие произведения не создаются по какому-либо заказу или чьему-то стороннему желанию. Они рождаются естественно, как итог трудных, очень трудных раздумий над самыми острыми, самыми жизненными вопросами, которые поставило перед писателем время. Не случайная прихоть, не желание испробовать свою силу в новом жанре заставляли всегда настоящих писателей отойти на время от создаваемого ими художественного мира и прямо, непосредственно, откровенно сказать о наболевшей проблеме, а то чувство, которое Лев Толстой определил гениально просто: «Не могу молчать!»

Деревня второй половины двадцатого века устремилась в город. Демографы, социологи, экономисты находят этому явлению объяснение, оправдание, но факт остается фактом — очень много деревень в России пустеет, избы глядят из-за палисадников зияющими провалами окон, заколоченные досками крест-накрест двери иногда открываются на лето, когда приезжают бывшие или чаще новые хозяева, теперь дачники, провести месяц-другой на природе... Не только физическая, если так можно ее определить, перемена места сельскими жителями, конечно, заботит писателя, а то, что этот процесс ведет в массе к нравственному оскудению, утере ответственности за выполненное дело, ведь «мастерство — это не просто ловкость рук, но и труд души».

Он имеет право поставить эту проблему. Ибо мыслит по-государственному. Фронтовик, защищавший эту землю, смотревший не раз в лицо смерти, писатель свое нравственное назначение видит в утверждении гражданских основ, в утверждении ответственности перед Родиной и делом, ответственности, которой всегда был силен русский народ. И потому такая неприкрытая боль в его словах: «Какое диво! Какая земля! И какой ценой за нее заплачено... Бились за каждый метр, за каждую рытвинку. Сколько братских могил на этих холмах! А нынешние уходят, оставляют ее, даже не оглянувшись».

И вспоминается, как уходили из этих деревень их отцы в сорок первом, когда нежданно, в разгар сенокоса, самой крестьянской, самой любимой работы, черной бедой налетела война. Вновь вспомним «Усвятских шлемоносцев».

«С увала, с самой его маковки, там, позади, за еще таким же увалом, бегуче испятнанным неспокойными хлебами, виднелась узкая, уже засиненная далью полоска усвятского посада, даже не сами избы, а только зеленая призрачность дерев, а справа, в отдалении, на фоне вымлевшего неба воздетым перстом белела, дрожала за марью затерянная в полях колоколенка. А еще была видна остомельская урема и дальний заречный лес, синевший, как сон, за которым еще что-то брезжилось, какая-то твердь.

Глянул туда и Касьян и враз пристыл к телеге, охолодал защемившей душой от видения и не мог оторваться, хотя, как ни силился, как ни понуждал глаза, не разглядел ни своего двора, ни даже примерного места, где должно ему быть. Но все равно — вот оно, как ни бежали, как ни ехали».

В прозе Е. Носова необычайно сильно чувство исторической преемственности, неразрывности временной цепи, которая и дает людям нравственную силу для движения вперед. Он видит эту силу в простых стариках крестьянах — георгиевских кавалерах, деде Михайле (из одного из лучших рассказов писателя, «За долами, за лесами»), дедушке Селиване (из «Усвятских шлемоносцев»), в их сыновьях и внуках (Касьяне, раненых солдатах из рассказа «Красное вино победы»; ветеранах, собравшихся на открытие памятника погибшим,— рассказ «Шопен, соната номер два»), не склонивших головы перед врагом и победивших в самой страшной войне, какую знала история.

Можно много раз читать и перечитывать лучшие рассказы и повести Евгения Носова («И уплывают пароходы...», «Шумит луговая овсяница», «Шуба», «Пятый день осенней выставки» и другие), всякий раз открывая для себя новые грани таланта замечательного мастера, способного увидеть и передать в слове самые скрытые, самые тайные движения человеческой души.

Писатель Евгений Носов — истинный сын России, талантливый и мужественный художник, продолжающий в своем творчестве традиции отечественной литературы.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Владимир РЫНКЕВИЧ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

РАССКАЗ

ЕЕ ДЕНЬ

День этот приходил ранней весной и с каждым годом становился все более неверным, ненадежным: то обманчиво солнечным, но холодным, то ватно-серым, влажным, тяжким для дыхания, и тогда возникал тот самый кашель, о котором не надо думать, и вся жизнь представлялась кривляющейся обезьяной, цинично попирающей разум, добро, истину, человеческое достоинство — все, что он так долго и мучительно отвоевывал у невежественного рабства, омрачавшего детство и юность. Обезьяна дразнила мокрым извивающимся языком, и в ее оскале обнаруживалось тайное сходство с той сверкающе жемчужной улыбкой, образовывающей нежные ложбинки на девическом округлом лице, и вспоминался странный смех Лики: и звонкий, и открыто счастливый, но почему-то всегда казалось, что она смеется в пустой комнате.

В тот год, когда ее день ангела пришелся на воскресенье, конец марта был безнадежно ненастным. Распухшее серое небо исходило дождем, добивавшим щербатые заледеневшие останки снега; в кабинете среди дня пришлось зажечь лампу, и после приступа кашля на платке появилось кровавое пятно. Следовало бы остаться в Мелихове на эти дни, тем более что в Москве его ждали во вторник, а в Петербурге — лишь в конце недели, но уже в пятницу дом показался невыносимо пустым.

Завершение работы часто вызывало болезненную опустошенность в груди, будто вместе с рукописью отправлялась в журнал, читателям, для всеобщего пользования часть какого-то жизненно важного внутреннего органа, и, отослав новую повесть в «Русскую мысль», он не мог представить пустые дни дома, пустое воскресенье, ее воскресенье без нее.

«Не извольте изображать влюбленного юношу-с,— пытался он говорить себе от лица того Чехова, которого знали другие.— Вы, милсдарь, просто брюзжите, как старый эгоист, из-за того, что вышло, видите ли, не по-вашему». Но это не помогало: начинался кашель, и на платке обнаруживалось темное пятно — след языка кривляющейся обезьяны. Все же хватило благоразумия не уехать вечером в пятницу.

Ночь он спал плохо. Поднявшись, начал уверенно собираться к десятичасовому, придумав для Маши, что должен побывать днем на съезде театральных деятелей и встретиться там с Суворином.

— Значит?..

— Да. Корректура «Мужиков» будет готова завтра.

Маша сумела остановиться и не спросить: «Значит, она так и не приедет?» Не следовало бы говорить ей третьего дня о том, что будто бы Гольцев собирался тоже приехать, чтобы вместе отпраздновать именины Лики. Что там произошло, с кем она будет завтра, он не знает и не хочет знать. Он наконец решился.

В Лопасне, у станции, отпустив тарантас, Чехов увидел знакомого мелиховского мужика, неизлечимо больного чахоткой. Усохший, сгорбленный, такой же привычно голодный и неухоженный, как и его лошаденка, он снял шапку и поклонился.

— Надень сейчас же, братец. Не нужно голову студить.

— Чего уж там, барин. Видать, не жилец я.

— Чепуху, брат, говоришь. Вот я вернусь через недельку — заходи: хорошее лекарство привезу тебе из Москвы.

— Спаси тебя бог, барин, только уж ни к чему все. С вешней водой уйду.

В поезде Чехов сел справа у окна, чтобы увидеть солнце, если оно все же покажется из-за дымно-серой завесы, и, когда колеса грохотали по мостам, вглядывался в грязно-зеленый лед: скоро ли тронется? Откуда такое страшное и, наверное, точное предчувствие у мужика?

Полегчало ли хоть немного на душе у этого несчастного от его успокоительных слов, обещаний нового лекарства? Насколько вообще действенны добрые обещания врача? Ведь его собственное сегодняшнее решение — тоже обещание самому себе нового, замечательного, безотказно действующего лекарства. Правда, сам он не так уж и болен, может быть, вообще не болен; во всяком случае, точный диагноз установить невозможно. Когда так называемую женскую измену переживаешь в молодости, то там в основном игра самолюбия и горькое удивление несправедливостью жизни, но теперь, когда ему почти сорок, а она пережила и девичью любовь, и женские страсти, и разочарования, и смерть ребенка, между ними возникло нечто настолько человечески истинное, глубокое, что и слово «любовь» кажется неуместным, ничего не объясняющим. Что теперь? Брюзжание старого эгоиста? Жалость к себе и к ней? Или сопровождающий его всю жизнь ужас бессилия перед неудержимой черной волной «человеческого, слишком человеческого», всегда захлестывающей, затопляющей, уничтожающей малые светлые островки духовного, разумного, истинно человеческого?

Захлестнула эта равнодушно-жестокая волна и то, что возникло когда-то перед ним сияющим видением, подтвердившим тогдашнюю его веру в мудрость и красоту жизни. Он уже стал известным писателем, получил Пушкинскую премию, снял двухэтажную квартиру для семьи, был исполнен стремления служить прекрасной и разумной жизни и знал, что взамен должен получить то, что называется счастьем. На звонок внизу поспешила горничная Оля, первым на лестницу вышел Миша и сейчас же вбежал обратно в гостиную. «Антон! — воскликнул он с довольно-таки глупым видом.— Посмотри, какая красивая девица к нам пришла!» Миша и Оля раздевали гостью. Ее пепельно-светлые роскошные волосы рассыпались по плечам, она пыталась поправить их перед зеркалом, но, почувствовав взгляды мужчин, трогательно смутилась, покраснела и, отвернувшись к вешалке, уткнулась лицом в шубы.

Еще до этой встречи он написал в одном рассказе, что созерцание настоящей красоты возбуждает в человеке грусть, мысли о том, что редкая красота случайна, не нужна и, как все на земле, недолговечна, но первое знакомство с Ликой вызвало у него не грусть, а радостную мужскую уверенность в том, что девушка не останется равнодушной к нему, и уже видел, как он, старший, опытный, добрый, ведет ее за собой в жизнь, мудрую и счастливую, но требующую труда и исполнения человеческого долга на земле. Как писатель он оказался более прозорлив: именно печаль должна была вызывать красота Лики, случайная и ненужная. И насколько же он был наивен как мужчина. Посылал ее в Румянцевскую библиотеку делать выписки из книг о Сахалине, с назидательностью нудного старшего брата убеждал в необходимости правильного, регулярного труда, а это милое и глупое девятнадцатилетнее существо порхало по жизни, словно мотылек среди цветов, жаждущий вечной радости, тем более что мотыльковая вечность так коротка. Ходила в Румянцевку, занималась по его настоянию переводом с немецкого, а сама горько удивлялась, почему мужчина, который ей так нужен, уезжает куда-то на край света, на Сахалин.

Москва, открывшаяся площадью Курского вокзала, словно многажды читанная книга своей знакомой первой страницей, должна была бы успокоить, развлечь не только обычной своей веселой суетой, не только приближением к тому, на что он решился, но и какой-то новой европейской прибранностью: снег давно стаял, мостовая просохла, и звонкий стук лошадиных подков бодро рассыпался по обкатанным булыжникам. Будто не русский март, а несерьезная итальянская зима.

Казалось бы, точная писательская душевная память должна вызвать то счастливое состояние единенности с миром, которое испытывал он в «голубоглазой Венеции». Но какой бы ни была окружающая жизнь, а для нас она всегда окрашена в тот цвет, который возникает в глубинах нашего существа, и вспоминалась не Венеция, а то, что происходило после возвращения оттуда. На другой же день он уехал на дачу в Алексин к Мише, и туда вскоре приехала Лика. Он еще наивно считал ее той трогательно смущающейся девушкой, аккуратно работающей в библиотеке и покорно ожидающей своего часа, когда ее возьмут за руку и поведут в жизнь, а уже началось... «Меня провожал домой Левитан,— появлялось вдруг в письме.— А знаете, если бы Левитан хоть немного походил на вас, я бы позвала его ужинать...» И в Алексин приехала с Левитаном.

В неуютном доме, стоявшем на семи ветрах, было тесно и до полуночи смеялись, рассчитывая, кого куда положить спать. Левитан патетически восклицал: «Антон! Мафа! Ради вафей семьи я готов пожевтвовать своей невинностью и лечь с Лидией Стахиевной!» Исаак тогда уже написал «Золотой плес», вышел в первейшие художники России, и в обращенных на него взглядах Лики можно было заметить то, что прежде предназначалось лишь ему одному. Но что-то тогда уже прорывалось, пробегало тенью, он излишне часто и назойливо пошучивал над «чувствами» Лики к «волканическому брюнету». Тихим вечером они гуляли вдвоем у реки, и она вдруг заплакала, обидевшись на эти шутки. Он ее успокаивал, но тоже иронизируя, не задумываясь о том, что перед ним существо, не понимающее и не принимающее ни искусства, ни долга, ни власти разума, ни тем более добродушного подтрунивания, а исполненное чувствами порхающего мотылька.

Никто никогда не узнает, какой мучительный стыд испытал он в конце того лета в Богимове, куда переехали из Алексина по приглашению тамошнего помещика, приятного малого Былим-Колосовского. Просыпался по утрам в той зале, которую описал в «Доме с мезонином», сделав ее побольше, пограндиознее, прибавив окон: счастливое одиночество, зелено-голубой свет из липовых аллей, широченные подоконники, так и зовущие к перу и бумаге,— все это создавало ощущение старинной величавости. Сидел за подоконником, как за письменным столом, писал «Дуэль» и... письма Лике, оказавшейся почему-то в имении своей тетушки рядом с Левитаном. «Приезжайте нюхать цветы, ловить рыбку... и реветь... Поймите Вы, что ежедневное ожидание Вашего приезда не только томит, но и вводит нас в расходы...» Он так

желал ее приезда, что иногда в письмах сбивался с нарочитой своей шутливости: «Если приедете, то спросите на станции ямщика Гущина, который и довезет Вас к нам. Можно и на полустанке высадиться, но тогда нужно раньше дать знать...» Унизился до того, что написал от имени Маши: «Я уговорю брата отложить свой отъезд. Он хотел ехать 5-го августа. Приезжай 1 или 2-го...»

С наивной слепотой влюбленного не увидел он обезьяньей ужимки в ее письме: «Еще и Левитан, на которого, впрочем, мне приходится только облизываться, так как ко мне близко он подойти не смеет, а вдвоем нас ни на минуту не оставляют...» Существует ли в мире вообще хоть одна женщина, к которой Левитан не смеет подойти?

Как же он со своей писательской проницательностью не почувствовал здесь обыкновенную неумную женскую ложь?

Женщина сама же первая и презирает, и ненавидит мужчину, которого удалось обмануть. «Вы идиот»,— написала она ему, будто бы обидевшись на какой-то врачебный совет.

Никто никогда не узнает, как мучительно стыдно было ему, когда он все наконец понял. Потому и веселое богимовское лето окрасилось в черное, и вспоминаются не пикники, не богатейшие уловы окуней, не прогулки с девицами из Данькова, а горячее и доброе свое мужское чувство, над которым насмеялись так по-обезьяньи бессмысленно. Неужели она не могла сдержать того, что принято называть страстью? Неужели разум никогда не вмешается в эти сложные человеческие отношения, не сделает их поистине человеческими?

За следующее лето тоже немного стыдно: на некоторое время, правда, ненадолго, не устоял перед соблазном обязательной мужественности и готов был бросить только что приобретенное любезное Мелихово, ежедневно открывавшее новые свои прелести — аллеи, пруды, цветники, радостную усталость после работы на своей грядке,— готов был бросить все это и ехать с ней на Кавказ, причем путешествие предполагалось в духе французских бульварных романов: тайно от всех, в разных вагонах... Как он мог соглашаться на этот провинциальный водевиль ради нескольких свиданий в душном номере какой-нибудь кисловодской гостиницы?

А прошлым летом все это состоялось: тайный отъезд не только в разных вагонах, но и в разных поездах, и даже не отъезд, а исчезновение. И свидания в гостинице, и его клятвы, как обычно, полушутливые и, как обычно, принимаемые ею всерьез. Он обещал ей тогда «райское блаженство» ровно через год («точнее, Ликуша, через триста шестьдесят пять дней»), а она запомнила и считала дни. На сегодня, кажется, осталось дней сто шестьдесят.

Ее тетка, добрейшая Софья Михайловна, наивно удивлялась легкомыслию племянницы Лидюши: прислала ей свою маленькую дочку с нянькой, а сама почему-то осталась на даче в Подольске. И белье детское забыла прислать.

Воспоминания о позорном провале «Чайки» снова заставили закашляться, но, к счастью, без крови. Следовало скорее добраться до гостиницы, в свой любимый пятый номер, и жизнь должна предстать если и не прекрасной, то мудрой, благосклонной, безжалостной к первобытно-дикому, слепому неумению быть человеком, казнящей необузданное стремление к немедленному удовлетворению каждой своей прихоти и похоти. Наказаны оба старших брата: один казнен смертью, другой, в общем, тоже мертв духовно. Наказана Лика. И тоже смертью. Ведь та милая, смущенная девушка, прячущая в шубы раскрасневшееся лицо, исчезла, а вместо нее возникло нервное, издерганное существо, незамужняя мать, только что похоронившая несчастную девочку и снова и снова впадающая в бессмысленный круговорот слепых желаний и надежд.

В «Большой Московской» его ждали, и любимый номер был приготовлен, даже стопка хорошей матовой бумаги и конверты. Будто знали, что он начнет именно с этого. Старый бессловесный верный друг, пятый номер, знал о нем столько, сколько никогда не узнает ни один человек.

Однако саднящая тяжесть в груди не исчезала, и память не хотела останавливаться на том веселом и мужественном, что происходило здесь когда-то: налеты «эскадры», в которой состояли и могучий Гиляровский, и голосистый Потапенко, готовый до утра «спивать» про «зэлэный гай густэсэнькый», лукавая Танечка Щепкина-Куперник, Лидия Яворская, всегда играющая и всегда переигрывающая.

Все это заслонялось печальным, бледным лицом, пепельными кудрями, распущенными по обнаженным плечам, единственным в мире голосом, напоминающим голосок девочки, несправедливо обиженной, но в то же время и излишне капризной. «Жизнь к нам несправедлива,— говорила она здесь, в этом кресле.— Провалилась "Чайка"! А у меня теперь вообще ничего не осталось...»

Накануне она схоронила Христинку.

— А тебе не страшно думать, что это ты ее убил? Она была жива, когда пошла «Чайка» и со сцены возвестили о смерти дочери Нины Заречной! Она узнала свою судьбу и умерла.

И вновь он оказался жертвой своей неистребимой веры во все то, что делает людей людьми, и вновь повторилось то, что произошло весной 1891 года. Никто никогда не узнает, какими ласковыми словечками называл ее в мечтах. Никто никогда не догадается, откуда взялось имя «Мисюсь». Ведь он писал «Дом с мезонином», вспоминая богимовское лето, вспоминая со светлой пушкинской печалью, без той злобы, с которой перед тем написал «Ариадну». Несчастная Лика тогда только что родила девочку и осталась в Париже одинокой, брошенной Потапенко...

Теперь же придумалась новая наивная сказка: умудренная несчастьями и ошибками, она найдет успокоение в его любви, а он будет к ней добр и ласков, простит и забудет. И опять ее мотыльковое порханье, равнодушная жестокость женщины, ищущей удовольствий, походя насмеявшейся над его новой доброй сказочкой.

Все показалось безнадежным, но если ему и удалось чего-то добиться в жизни, удалось выдавить из себя раба, создать дом для семьи, стать хорошим писателем, то лишь благодаря вере в разум, в силу духа, преодолевающего и дурную наследственность, и слабости человеческие, и тем более какие-то мистические предчувствия.

Пусть Лидия Мизинова празднует свой день ангела с кем угодно. Писать он будет не ей.

И он написал:

«Большая московс. гост., № 5.

Суббота.

Я приехал в Москву раньше, чем предполагал. Когда же мы увидимся? Погода туманная, промозглая, а я немного нездоров, буду стараться сидеть дома! Не найдете ли Вы возможным побывать у меня, не дожидаясь моего визита к Вам? Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов».

Несколько дней назад он писал ей из Мелихова, рассчитывая приехать в понедельник, после празднования именин Лики, и скромно предлагал поужинать или пообедать вместе, но теперь необходимо поступать решительно.

Он не сомневался, что она придет. С первой встречи, когда он взял в руки ее роскошную косу, все было сказано без слов: глазами, румянцем на щеках, нежных, тонких, чуть растянутых вверх, к глазам, отчего всегда казалось, что она удивленно подняла брови. Тогда же он заметил странное противоречие в ее лице: смущение «юной девицы Флоры», как представил ее брат, и оценивающе решительный взгляд женщины, привычно выбирающей себе мужчину. Умеющая так смотреть на избранника придет к нему по первому зову. В ней он был уверен больше, чем в себе. Он еще не знал, действительно ли ждет встречи с ней.

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье...

Лермонтов! Учитель мастерству прозы, собрат по страданиям душевным. Тоже пытался забыть некую ее, единственную, шел к другой, но...

Но не с тобой я сердцем говорю...

Он заклеил конверт и написал адрес:

«Хамовники, Божениновский переулок, д. Казариновой.

Ее высокоблагородию Лидии Алексеевне Авиловой».

Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою...

Великому поэту, великой душе предпочитали каких-то куклообразных пошляков, какого-то пустельгу Монго, и Лермонтов был вынужден считаться с нравами стада, играл в дружбу, притворялся таким же, как и они...

Впрочем, как и он сам теперь с Алексеем Сергеевичем Сувориным. Знает же цену этому старому цинику и его гнусной газетенке, а вот поди ж ты... Все же старик искренне любит его.

Передав письмо посыльному, Чехов направился в Малый театр, где проходил первый в России съезд театральных деятелей.

Однако прочно засевший в груди маленький злой пессимист не давал мыслям остановиться на добром, успокаивающем, заставлял искать и находить невежество, глупость, нелепость во всем, и когда после заседания остановились с Сувориным в фойе, чтобы наконец поговорить о своем, искренняя стариковская приветливость Алексея Сергеевича казалась чем-то неприятной. Суворин вспоминал одного из ораторов и сам первый посмеивался удачным своим остротам:

— Напустил в речи столько воды, что один лишь Христос мог бы превратить ее в вино. Как можно заявлять, будто Россия не готова к конституции! Давно готова!

Лицо Суворина состояло из двух примерно равных частей: высокий светлый лоб и борода лопатой; между ними обособленно существовали маленькие проницательные глазки. Он говорил об упадке театра, о Метерлинке и Гауптмане, о только что закончившейся переписи населения Российской империи, приходилось что-то отвечать ему, с чем-то соглашаться («М-да-с, милсдарь, сто двадцать шесть миллионов— это я вам скажу...»), но привычного успокоения, отвлечения от назойливых, тяжелых мыслей в общении со стариком не наступало. Хотелось найти какое-то слово, объясняющее, даже, может быть, обижающее собеседника. Суворин сам помог найти это слово, когда толпа измученных красноречием интеллигентов схлынула и они остались в почти пустом вестибюле театра. Лицо старика расслабилось, освежилось, будто только что промытое, словно сняли с него некую маску. Сняли мундир. Пожалуй, это слово годилось.

С таким напряженным ликом человека, совершающего нечто считающееся обязательным, но лично ему совершенно ненужное, он покупал картины в Италии; притворялся глубоко понимающим искусство и древний стиль. Потом, в гостинице, Суворин переодевался в легкий, просторный костюм и за обедом наслаждался уже непритворно, выбирая дорогие вина, заказывая омары, спагетти в остром соусе. И теперь он снял мундир, напялил засаленную домашнюю кацавейку и, забыв о конституции и о Метерлинке, с радостным воодушевлением обратился к своему сокровенному, суворинскому:

— Если по совести, дорогой Антон Павлович, то русскому человеку никакая конституция не нужна. Вы знаете, кому весь этот либерум необходим. Вот-вот... Они все университеты сразу заполонят. Вот уж придется русскому мужику на них поработать. Нет, милейший Антон Павлович, нам надо своих защищать...

Чехов привык относиться к подобным излияниям старика, как к дурному запаху изо рта доброго приятеля, но теперь все представлялось в простой и действительной своей мере и цене.

Суворин добродушно, по-стариковски похохатывал и становился все более простым, домашним, исполненным вековой житейской мудрости, для которой история, искусство, театр, Шекспир, конституция и все, что есть в мире высокого, мудрого, прекрасного,— всего лишь тесный, неудобный мундир, необходимый для появления на людях.

А он, писатель Чехов, обречен понимать всех и все и всем все прощать: позорную женскую слабость Лики, обезьянью неудержимость Левитана, не признающую ни дружбы, ни родства (был же у него роман с дочерью любовницы), хамскую разнузданность Игнатия Потапенко, лакейское зубоскальство Суворина. Он обречен примиряться, участвовать в этом, жить с этим.

— Пора бы нам, Антон Павлович, как это у вас в Мелихове говаривают? Припасть?

— Припадем к мутному источнику.

— Вот-вот. Припадем. А как папаша себя чувствует? Замечательный старик... Пост, конечно, в точности соблюдает?

Каким бы милым был старик Суворин, если бы был просто милым стариком, с которым на рыбалке можно посидеть, в бане попариться, домашней настоечкой поугощаться.

Хорошо еще, что не исчезло в нем нечто близкое, привлекающее, наверное, след того первоначального, энергичного, веселого и мужественного, с чем оба они начинали борьбу за место в жизни. Это первоначальное, мужицки упорное и основательное они чувствовали друг в друге независимо ни от каких слов, ни от каких поступков. Жаль, что Суворин остановился там, где надо начинать: научился добывать много денег и решил, что этого достаточно для жизни.

Решали, куда направиться обедать. Чехов предлагал к себе, в «Большую Московскую» (может прийти ответ от нее), обещал познакомить с официантом, с которого списывал героя «Мужиков», а Суворин прикрывал глаза, отрицательно качал головой.

— Там же обыкновенный трактир, милейший Антон Павлович. Пахнет щами и замоскворецким духом. Только в «Эрмитаж», дорогой Антон Павлович.

Вот с таким же великодушием убеждал он его тогда за границей занимать самые дорогие номера в отелях и искренне радовался, что его милейший друг наслаждается комфортом. А чем будет друг расплачиваться, его не интересовало. А может быть, и заранее рассчитал: рассказами для «Нового времени». Невозможно представить, сколько Суворин заработал на его рассказах.

— Уговорили, Алексей Сергеевич. Едем в «Эрмитаж». Проведем вечер отчетливо, как выражается мой старший брат, известный вам своею примерной трезвостью.

На площади взяли извозчика. Чехов, укутав шею воротником шубы, попросил ехать потише.

— А повесть-то свою, милейший Антон Павлович, опять в «Русскую мысль»? Уже говорят: «Чехов сломал решетку в «Новом времени» и переселился в больницу «Русской мысли».

— Там ребята хорошие. Как будто даже социализмом попахивает. Поговоришь с ними и начинаешь мечтать, что у нас лет через двести начнется коммунизм.

— Завтра у нее день ангела. Не забыли, Антон Павлович?

— Не помню-с.

— Что так? Ваша протеже. Иногда играет совсем неплохо. «В Принцессе Грезе» вообще несомненный успех. В газетах одни восторги: «Яворская! Яворская!» В замужестве вроде бы помягчела, вздорности поменьше стало.

— В замужестве? Ах да, вы о Лидии Борисовне...

— Конечно, о ней, дорогой Антон Павлович. О княгине Барятинской. Ваши амурные дела достигли таких масштабов, что забываете прежних поклонниц?

Только теперь вдруг обнаружилось мистическое или, может быть, смешное совпадение: Лидия Стахиевна, Лидия Борисовна, Лидия Алексеевна. Завтра их день ангела. Ее день.

— Нет, не ее так пылко я люблю.

Совпадение скорее мистическое: не для смешного такая серая и сырая погода, серая, под цвет новой каменной Петровки, выстроенной послереформенными миллионерами.

— Поди, и нынче у вас рандеву?

— Завтра.

— Кстати, знаете, Антон Павлович, лермонтовские стихи, вот эти, знаете, «жизнь пустая и глупая шутка» — ведь их Лермонтов у Байрона позаимствовал. Да, да...

Еще одна любимая суворинская тема: Лермонтов тащил у Байрона, весь Достоевский переписан из Жорж Санда... Наверное, приятно сознавать, что все кругом бездарности и жулики, что не один ты такой.

У Петровских ворот повернули направо, по бульвару, и оказалось, что на город опускаются сумерки. Наверное, она уже получила письмо и, покраснев, прикрывает ладонями горячие щеки, а в глазах решимость и расчет: как уйти из дома, что сказать брату.

В «Эрмитаже» зажглись вечерние огни. Белоколонный зал наполнялся гостями, среди них узнавались и многие театральные деятели: наговорили речей о театре для народа и о конституции, а теперь за великопостной ухой рассказывают анекдоты, строго поглядывая на снующих возле столиков рабов, обязанных мгновенно исполнить любое приказание.

Между столиками прогуливались дамы с красиво загримированными лицами, с театральными прическами, с круглыми вопрошающими глазами.

У столика возник официант в белой рубахе голландского полотна, перехваченной шелковым поясом.

Суворину не было необходимости читать карту: принесли бы именно то, что ему нужно, но, наверное, перечисление блюд доставляло невинное удовольствие, высокий лоб его сжался в добрые морщинки, с лица исчез мундир, с которым он входил в ресторан.

—...Соус провансаль, салат из ершей, салат оливье, икра стерляжья мелкая...

Что-то произошло со слухом и зрением: Чехов едва слышал голос Суворина, и над синими окнами вместо пухлощеких купидонов узнавались убранные вверх пепельные кудри, чуть развеянные ветерком, и округлое девическое лицо, выражающее горькую обиду. «Да, я не могу правильно трудиться,— говорила она голосом обиженного, капризного ребенка,— не могу трудиться над всем, и если занимаюсь

чем-то одним, то потому, что только этим и увлечена, и все другое для меня не нужно. А вот вы... Вы такой правильный, только ничего не любите. И никого! Кто любит, тот не ждет, не назначает сроки...»

Разве можно любить в этом мире? Кто любит,— тот обязательно погибнет. Он написал об этом пьесу, в которой погибли все, кто любил: и Нина, и Треплев, и Маша... Пьесу, разумеется, не приняли пожиратели стерляжьей ухи, не понял и этот старый циник, читающий карту, как стихи, искренне и тепло любящий «замечательного писателя» Чехова, так же искренне, как и соус провансаль.

— Значит, как это? Припадем к мутному источнику?

— Разумеется, припадем, Алексей Сергеевич. Завтра с утра — париться. Я же, милсдарь, из купцов, а у нас это первейшее дело: хмель веником выгонять...

— Итак, икра осетровая,— продолжал Суворин читать,— паюсная, белужья, ачуевская... сотэ из налимов...

— Антон Павлович, я вас признал-с,— сказал официант.— Как же-с. Помним. С Лидией Стахиевной изволили бывать. Они нас посещали на прошлой неделе с одним господином, не знаю-с его. Я позволил себе о вас справиться — сказали, что вы будете в скором времени...

Купидон насмешливо вздернул толстую губку и рассмеялся с животным злорадством, как смеются на улице над упавшим в лужу. Чехов пытался ответить официанту легко и иронично, но почему-то никак не мог вздохнуть, а когда наконец с трудом, кажется, даже слышно было хрип в горле, набрал воздух, в груди что-то оборвалось, слюна сделалась теплой и соленой, затошнило, и, едва успев прикрыть рот, он увидел на пальцах размазанную кровь. Он сплюнул в платок и прошептал:

— Лед... Это она... Скорее лед...

Суворин оторвался от карты и смотрел на Чехова с испугом.

— Что же это? Милый Антон Павлович? А ты чего стоишь? Бегом! Лед! Что же это, Антон Павлович?

— Это она... Настигла здесь...

Впереди на дальней торцевой стене зала в беломраморных узорах восседали какие-то неясные античные фигуры, но теперь он их узнал: обезьяны с длинными изогнутыми хвостами, с издевающимися, злобными мордами, повернутыми к нему.

— Кто «она», милый Антон Павлович?

— Чахотка, Алексей Сергеевич. Она.

Наивно было надеяться, что ему удастся уйти от этих людей, забывших о высшей цели бытия. Наивно было надеяться, что ему поможет в этом женщина с внимательным, спокойным взглядом, умеющая уходить от них, оставаясь внешне в суете ничтожности. Ему от них не уйти. Он вынужден теперь просить помощи и убежища у них, у этого старика. Не может же он вернуться к себе в гостиницу и ждать Авилову, исходя кровью.

И весь следующий день, обозначенный в церковном календаре как день мученика Филита и Лидии, жены его, Чехов пролежал в роскошном трехкомнатном номере Суворина, в гостинице «Славянский базар». Старик суетился, волновался, приглашал доктора, приказывал бульон и лед, куда-то уходил, скоро возвращался и обеспокоенно спрашивал: «Как вы тут? Полегчало?»

Весеннее солнце било в окна, высвечивая столбы резвящейся золотистой пыли; воскресный колокольный звон томительно напоминал о неспешной праздничной толпе на улицах.

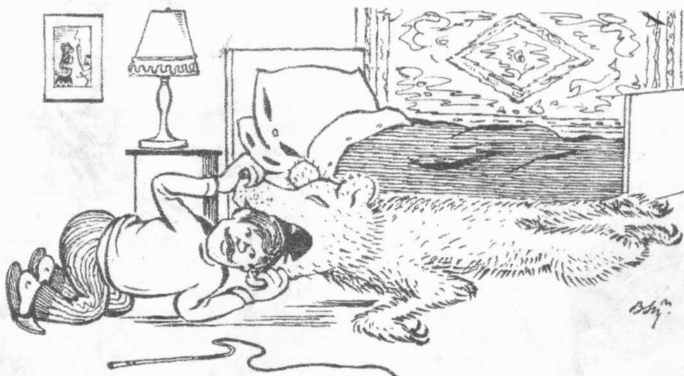
— Антон Павлович! Какая весна на улице! Рим! Италия! Вот вы отлежитесь и пойдем с вами гулять. Река тронулась.

— Тронулась? Пошла вешняя вода?

— Пошла. Солнце. Весело...

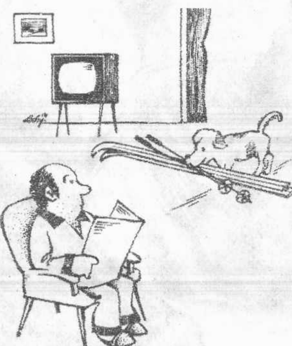
Во рту снова засолонело, приходилось сплевывать кровь в стакан, глотать лед и думать, что напрасно Пушкин и Лермонтов писали о смерти на дуэли, и напрасно он сам написал в одном давнем рассказе: «...кровь текла у него из горла прямо на грудь, и он, не зная, что делать, водил руками по груди, и манжетки стали мокрыми от крови... Он видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо».

Юмор

Бывший дрессировщик на пенсии.

Рисунки В. Тамаева

Без слов.

— А ты все по старинке летаешь!

— Этим ревизорам наш директор дал по шапке!

Рисунок В. Федорова

Он слишком много знал.

Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

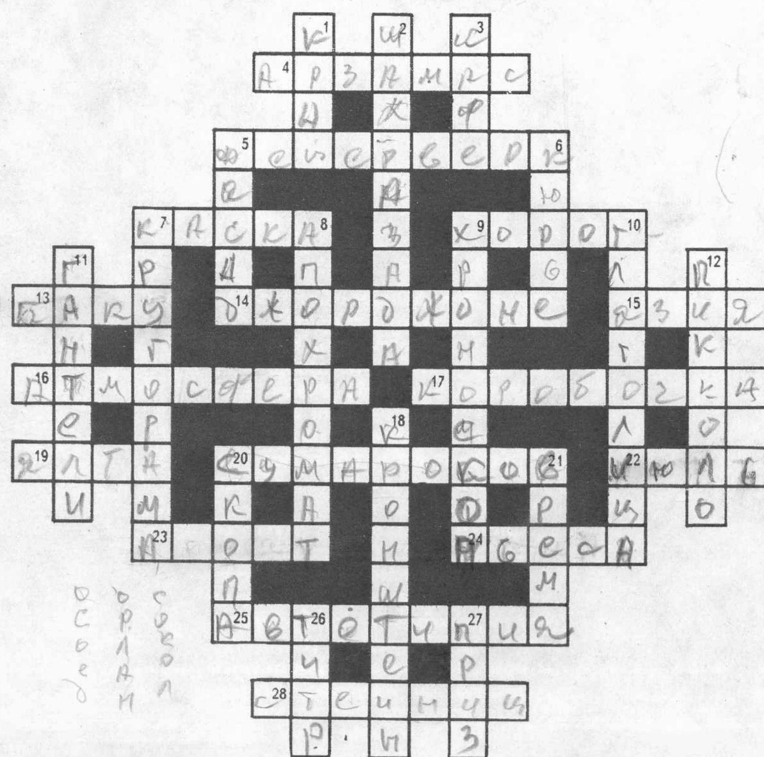
По горизонтали: 4. Литературный кружок, в котором участвовал А. С. Пушкин. 5. Праздничный салют. 7. Головной убор в виде шлема. 9. Центр автономной области в Таджикистане. 13. Стихотворение В. В. Маяковского. 14. Итальянский живописец, автор картины «Спящая Венера». 15. Часть света. 16. Газообразная оболочка Земли. 17. Персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. 19. Курорт в Крыму. 20. Русский писатель XVIII века. 22. Месяц календарного года. 23. Сорт яблок. 24. Драматическое произведение. 25. Фотомеханический процесс изготовления печатных форм. 28. Первый чемпион мира по шахматам.

По вертикали: 1. Административно-территориальная единица в СССР. 2. Персонаж сказок «Тысяча и одна ночь». 3. Небольшой ресторан. 5. Лицевая сторона здания. 6. Французский живописец, участник Парижской Коммуны. 7. Панорамное кино. 8. Оптическая система, объектив. 9. Прибор для сравнения показаний двух часов. 10. Древняя славянская азбука. 11. Ручной гимнастический снаряд. 12. Наименьший среди определенного вида музыкальных инструментов. 18. Консольная опорная деталь, конструкция. 20. Хищная птица, обитающая у водоемов. 21. Грамматическая категория глагола. 26. Надпись в фильме. 27. Награда победителю в соревновании, премия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 1. «Анюта». 6. «Циник». 7. «Егерь». 10. Субъект. 11. Левитан. 14. Куприн. 16. Анива. 19. «Доктор». 20. Лилина. 21. «Тайна». 24. Настой. 27. «Осколки». 28. Василий. 29. Комод. 30. «Степь». 31. «Заказ».

По вертикали: 2. Никитин. 3. Треплев. 4. Унтер. 5. «Нервы». 8. Кукрыниксы. 9. Чайковский. 12. Пушкин. 13. Борщов. 15. «Нива». 16. Азот. 17. Иней. 18. Арфа. 19. Дорн. 22. «Ариадна». 23. «Невеста». 25. Альма. 26. Успех.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мастер хохломской росписи Маргарита Ивановна Петрова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В лесах Заволжья. (См. в номере материал «Золотая «Хохлома».)

Фото М. САВИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 11.01.85. Подписано к печати 29.01.85. А 00314. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 328. Заказ № 4081.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Чемпионка СССР В. Мильвицкая

Зима большого тенниса

Юрий ОСИПОВ,
фото А. БОЧИНИНА

За окнами зима, мороз, а наши ведущие мастера ракетки вновь собрались вместе перед дальней дорогой на серию крупных международных турниров, само участие и успехи в которых позволяют подняться строчками выше в неумолимой таблице мировой теннисной классификации.

Последний тренировочный сбор. Шлифовку технических элементов с «пушкой» и партнерами сменяли контрольные игры, кросс, тренажеры, занятия тактикой и разбор ошибок перед видеомагнитофоном. И так — утром, днем, вечером. Теннис — это работа, работа и еще раз работа... До отъезда за рубеж оставались считанные дни.

Обе наши теннисные дружины заметно помолодели. Новые имена, новые надежды. Может быть, именно А. Чеснокову, А. Волкову, Д. Долгополову, В. Мильвицкой и их юным товарищам суждено вернуть советскому теннису достойное место в мировой иерархии.

Впереди у советских теннисистов ответственные старты. Причем, современный теннисный календарь с зимой, как известно, не считается.

В ближайшие месяцы мужчины поведут командную борьбу за почетный «Королевский кубок» («Кингс кап») в Италии, затем их ждут поединки на кортах ФРГ. А в начале марта им предстоит, пожалуй, самое трудное испытание года — матч в Тбилиси на Кубок Дэвиса с командой Чехословакии.

У женщин — полет в Америку, чтобы сразу по прибытии стартовать в отборочном круге длительной серии турниров. Потом — строгая проверка сил дома в преддверии заветного Уимблдона.

— Главная наша беда в том, что мы тренируемся зимой не столько, сколько нам надо, а сколько отводят часов,— сокрушается старший тренер женской сборной команды страны О. В. Морозова.— Нужна сборной своя база, просто необходима! И опыт, опыт... Мы только в прошлом году заново начали участвовать в турнирах низшей категории, открыва-

Сборная СССР по теннису явно помолодела.

Мастер спорта международного класса С. Чернева (Пархоменко).

ющих путь дальше. Сейчас уже пошли турниры средней категории, как, например, предстоящие в США. Они приносят в мировом зачете 75 очков, а за прежние мы получали всего по одному. Постепенно теннисистки находят себя, обретают уверенность во встречах с сильнейшими...

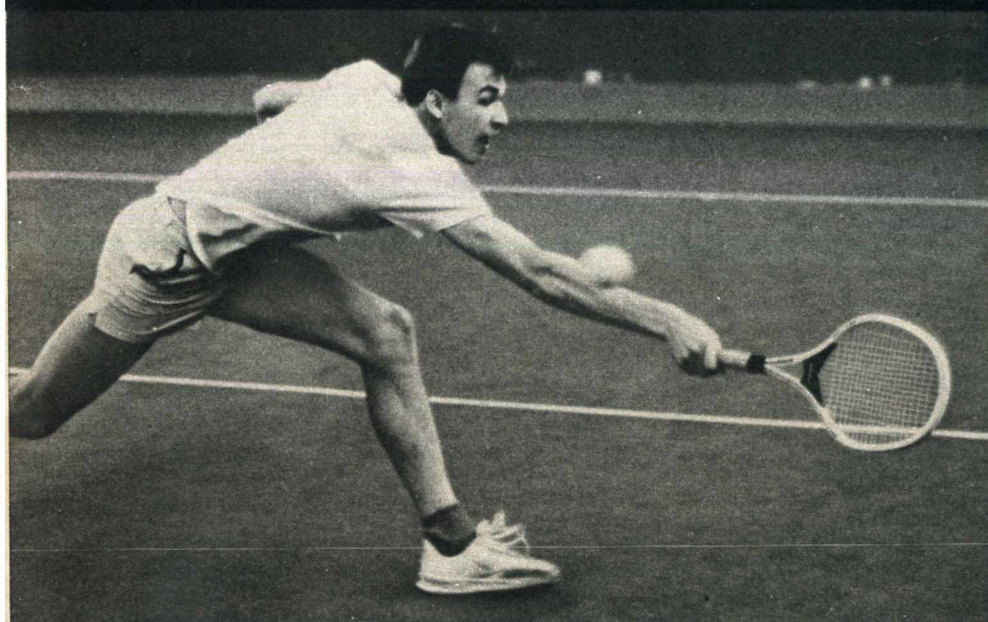
Слово наставнику мужской сборной Ш. А. Тарпищеву:

— К сожалению, на местах условия повышения мастерства ведущих игроков пока оставляют желать лучшего. Оттого-то и приток талантов в сборную и мужскую, и женскую скуден, выбор зачастую бывает вынужденным. А в конечном счете все упирается в проблему детского тенниса, детских тренировок, командных соревнований, которые формируют у молодых игроков чувство ответственности, коллективизма, бойцовский характер. Не уделяют у нас в секциях еще должного внимания и парной игре, поэтому в сборной мы постоянно бьемся над проблемой парных комбинаций.

Сегодня наша главная задача — дать ведущим мастерам достаточный практический навык игры на высшем теннисном уровне. Добиться утерянной было психологической устойчивости, веры в свои силы. Международный календарь прошлого года помог теннисистам ее повысить, что очень важно для успешных выступлений в открытом первенстве Франции и Уимблдонском турнире, на участие в которых мы теперь претендуем. В целом же такие соревнования не самоцель, а часть подготовки к будущей Олимпиаде. Ведь, прежде чем окончательно определится статус участников теннисного турнира Игр, надо закрепиться в лидирующей группе, чтобы быть способными конкурировать в труднейшей борьбе за отборочные места...

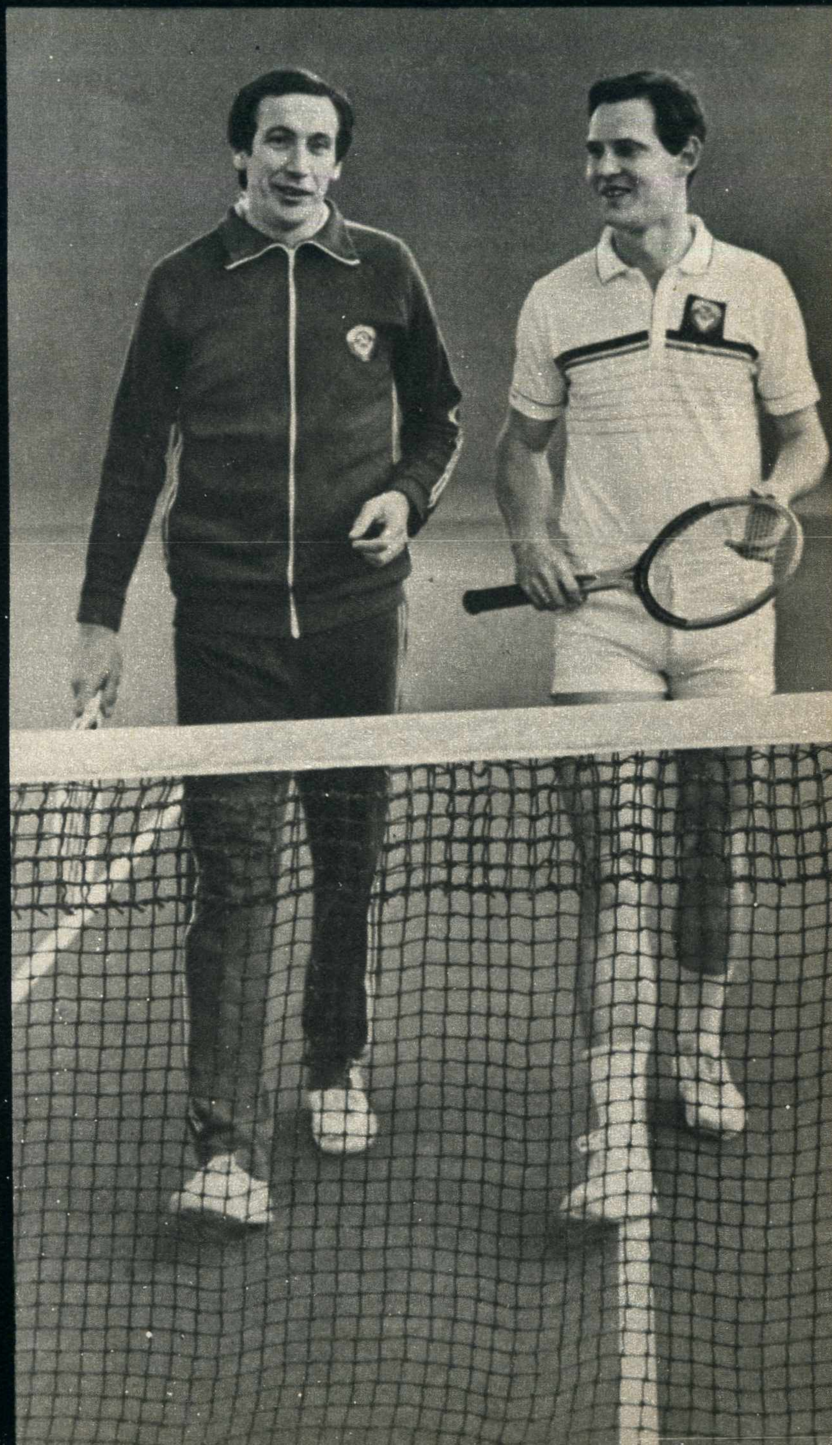

А. Чесноков стал одним из ведущих игроков страны.

Наверное, легче играть самой. Н. Рева и старший тренер женской сборной О. В. Морозова.

Старший тренер мужской сборной Шамиль Тарпищев и лидер команды А. Зверев.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663